

ДМИТРИЙ ЛЕКУХ

ПОЛНАЯ КУЛЬТОВАЯ ТРИЛОГИЯ И КОЕ-ЧТО ЕЩЕ

МЫ К ВАМ ПРИЕДЕМ

5

ПЯТЫЙ РИМ

ДМИТРИЙ ЛЕКУХ

МЫ К ВАМ ПРИЕДЕМ

Т Р И Л О Г И Я

ПЯТЫЙ РИМ
МОСКВА
2018

УДК 82-311.2
ББК 84
Л 43

Автор обложки М. Пономарева

Лекух Д.
Л 43 Мы к Вам приедем. Сборник. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018. — 752 с.

ISBN 978-5-9500936-4-7

Культовая трилогия, которая рассказывает о жизни и приключениях футбольных топ-фанов. Учитывая, что автор сам был активным участником радикальной спартаковской «движухи», его книги можно и нужно считать документальным свидетельством уходящей эпохи. Данное издание дополнено впервые публикуемым драматическим произведением Дмитрия Лекуха, революционным этюдом «Отстойник», который также посвящен ультрас.

**УДК 82-311.2
ББК 84**

ISBN 978-5-9500936-4-7
© Лекух Д., 2018
© Издательство «Пятый Рим»™, 2018
© ООО «Бестселлер», 2018

Мы к вам приедем...

КБУ.
«Флинтс Крю».
И всем остальным,
с кем я стоял на секторе, и — не только...
«Красно-белые ублюдки! Хей! Хей!»

Пролог

Я, в общем-то, всегда понимал, что принадлежу к генирации, которая не умеет видеть звезд за ночными огнями мегаполиса. То ли потому, что такие световые эффекты дает отражение этих самых огней от низкого московского неба, то ли потому, что мне на это просто насрать.

Да и нагретый ласковым сентябрьским солнцем бетонный параллелепипед, невесть кем и когда брошенный у автобусной остановки на окраине города, мне по жизни ближе и понятней какого-нибудь сучковатого бревна, присев на которое ожидали своих приятелей мои затянутые в кожу и шкуры предки.

Он, конечно, — пыльный и вообще грязноватый, этот параллелепипед. Но, по крайней мере, пыль на джинсах не так заметна, да и отстирывается куда проще, чем какая-нибудь сосновая смола.

А то присел тут как-то, знаете ли, в доме отдыха на первое попавшееся бревнышко, подышал свежим воздухом, так мамина домработница потом чуть на говно не изошла, штаны отстирывая.

Не люблю доставлять людям неприятности не по делу.

Вот по делу — это совсем другой разговор...

...А вот, кстати, — и приятели подкатили.

Нарисовались, хрен сотрешь.

И ведь — не спутаешь ни с кем, подонков.

Тачка у Никитоса такая.

Наверное, на всю столицу — в единственном экземпляре.
Нет, простых-то «Субар» — хоть жопой ешь. Да и «заряженных» не по-детски — тоже хватает.

Не он один, в конце концов, по ночной Москве гоняет.

Другое дело, что по результатам с ним мало кто сравниться может.

Гонщик — от Бога.

...Если только Инка.

Инга Александровна.

Жена Али...

Но у нее для обычных поездок и для челленджей, в которых она иногда по старой памяти участвует, — «бэха» эм-шестая.

А для драга — «Скай» родной, японский, праворульный.

И заряженный так, что самолеты-истребители и всякие другие шатлы — отсасывают по полной программе.

Может себе позволить...

Никитос пока — нет.

У родаков такую кучу бабла не выпросишь, а замуж его кто-то типа Али вроде как и не зовет пока что-то...

Меня, правда, — тоже.

Но я бы и не пошел...

А вот Никитос — кто знает, кто знает...

По крайней мере, «Субару» он свою ненаглядную так нарисовал, что Инга, впервые его машинку в таком «дизайнерском» виде разглядев, тут же ее «помойкой с мультфильмами на жопе» окрестила.

А случившийся неподалеку Гарри Мажор, топ-бой нашей «фирмы» и, по совместительству, близкий приятель ее опасного мужа, задумчиво покрутил пальцем у виска и вяло поинтересовался половой ориентацией владельца.

А что тут интересоваться-то?

Неопределившаяся...

...Сейчас, правда, ориентация сомнений не вызывала, ну ни малейших. В смысле — на данный конкретный момент времени.

А какие тут могут быть еще сомнения, если он аж целых троих телок на заднем сиденье «коробочки» уместил?

Чтоб, видно, «полным полна» была...

А на переднем — Серхио пристроил своего штурмана и еще одного моего приятеля.

— Привет, — орет, перекрикивая бубухающий из динамиков тачки ганста-рэп, — Дан. Чего звал-то?

Морщусь, показываю пальцами, чтобы звук прикрутил и из машины вылез.

Что я ему, совсем мутик, сквозь это говно скандировать?

Не на стадионе находимся...

Вылезают вместе с Серхио, подходят, здороваются.

Телки остаются в тачке и продолжают наслаждаться «творчеством» радостно бандитствующих американских ниггеров...

— Так что звал-то? — снова спрашивает.

Жму плечами.

— Проставиться решил, — говорю. — В «Джон Булле». Так что отправляй своих метелок куда-нибудь в Химки, у них как раз для этого дела раскрас подходящий. И возвращайся без машины, на такси, как я и просил. Иначе будешь компот пить вместо «Гиннеса».

— Ну, — соображает, — тачку я тут неподалеку брошу. У отцовского офиса на стоянке, меня там знают. Теток спнуть — тоже две секунды, потому как нефига на этих чувырл благородные напитки переводить. И проставы я тоже люблю. Вот только хотелось бы знать, по какому поводу?

Чешу затылок, сдвигаю поглубже на лоб длинный, старательно изогнутый своими руками козырек темной «стоун-айлендовской» бейсболки.

— В принципе, — вздыхаю, — я это как раз в пабе и хотел сказать. Но раз уж ты спросил, то — чего уж там, не будем кота за яйца тянуть: я закрываю гоночный сезон и ухожу из стрит-рейсинга. Навсегда.

— Оп-па! — выдыхает обалдевший вконец Серхио, а Никитос только морщит лоб и тоскливо играет желваками.

— Я, вообще-то, — говорит, — что-то такое и предполагал. Ты Али зассал, да?

— С чего бы это?! — охреневаю.

— Ну как, — мотает головой, — ты же у Инги штурманом весь этот сезон откатал, про вас уже слухи разные пошли. Она ж, всем известно, — баба скучающая. А он, говорят, — просто звиздец, какой ревнивый...

— Я, — леденю, — тебе сейчас, Никит, просто так табло разрисую, что тебя даже родная мама по фотографии не опознает. Или, на выбор, с Гарри Мажором поближе познакомлю, он у нас — старший, быстро определит, под каким деревом тебе могилу копать. Кто у нас, в тусне рейсинговой, главный по слухам и шепоткам, мне хорошо известно. И кто — главный завистник ее — тоже понятно. Если еще хоть раз про Ингу какую гадость понесешь — тебе хана, усвоил? А с Глебом, если потребуется, — я сам поговорю, объясню, что это говно — полная лажа, понял? Есть у меня на него и другие выходы, кроме Инги, ты знаешь...

— Да я что, я ничего, — елозит. — Так, сдуру сказанул. Просто подумалось, если уходишь — должна же быть какая-нибудь причина. А то, что ты уходить намыливаешься, я уже давно сообразил, просто не спрашивал...

— Так лучше бы спросил, придурок! — вконец зверея, рвякаю, сгребая его за шкирдон, но тут же и оттаиваю.

Характер такой.

А на Никитоса обижаться — бесполезно. Он — такой, уже не переделаешь. Даже бить бессмысленно. Отпускаю.

Делаю вид, что бережно расправляю воротник его модной курточки.

— Ладно, — говорю, — вали. «Субару» паркуй и метелок на фиг отправляй. Проставу я еще не отменял, вроде. В пабе столик ждет, на шестерых заказанный. Туда как раз через час-полтора Инга с командой подтянутся, я их тоже пригласил, естественно. Больше года вместе выступали все-таки...

Он судорожно сглатывает, кивает и почти бегом припускает к машине.

Лицо, блин, — белее простыни.

И этот слизняк — мой друг?

Нет, кажется, я все-таки все правильно делаю.

Серхио остается, мы садимся на нагретый солнцем бетонный параллелепипед, достаем сигареты, закуриваем.

Пивка бы сейчас.

Холодного.

Ладно, позже...

— А все-таки, — неожиданно спрашивает он, — почему ты уходишь, Дэн?

— Понимаешь, — вздыхаю, — наверное, пора уже как-то с самим собой определяться, Серый. Пилот я, откровенно говоря, никакой. Штурман, правда, — ничего, иначе к Инке в команду бы никогда не попал. И Москву хорошо знаю, не без этого. Но это не то, чего мне хочется, понимаешь? Совсем не то, если откровенно. Я — первым номером хочу быть, по-любому. А в «фирме», ну в группировке нашей «хулсовской», я, какой-никакой, — а все-таки боец, почти из «основы», из хардкора. В фестлайн стою, это еще заслужить надо. Да и нравится мне драться, если честно. Но не просто так, а чтобы — за что-то, за идею. Хотя за какую-то, хоть за те же цвета клубные. И от футбола у меня драйва по жизни чуть ли не больше, чем от гонок...

Он — молчит, кивает.

Он — умный мальчик, наш Серый.

— А что, — спрашивает через некоторое время, — совмещать совсем уже не получается?

— Да нет, — жму плечами, — почему не получается? Вполне получается, даже авторитет среди парней дает дополнительный. Просто мне чисто мясом пушечным быть поднадоело слегонца. Хочется быть среди тех, кто решает. Кто масло в голове гоняет: что, как, почему, зачем? Хотя бы приблизиться к этому уровню, к топ-бо#ям. Ну к лидерам, в смысле. А для этого надо что-то совсем по-другому парням по этой жизни доказывать. Что у тебя не только кулак приличный и удар ты нормально держишь, спину врагам не показываешь ни под каким соусом. Это все — само собой, как бы, без этого — вообще никуда. Но тут еще что-то очень и очень важное нужно. И — не в окружении, в тебе самом. Даже

не знаю, как объяснить-то. Я вот решил для начала «золотой выезд» пробить. Там же, кстати, можно и с основой поближе заобщаться...

— Понятно, — хмыкает. — Каждый реализует себя по-разному. А по-русски — каждый дрович, как он хочет. Да, кстати, а что такое «золотой выезд»? Про «золотой дождь» — слышал, но это вряд ли, думаю, из одной и той же оперы. Я же в ваших фанатских делах — совершенно ни бум-бум. Знаю только, что сначала на стадион ходите футбол смотреть, а после — оппонентов мочалить...

— «Золотой выезд», — говорю, — Серый, это очень такая серьезная и уважаемая фица. Я должен быть на всех выездных матчах сезона, где бы мой «Спартак» ни играл, хоть в Махачкале, хоть в Лондоне...

Он некоторое время молчит, осмысливает.

Потом — кивает уважительно.

— Да, — жует нижнюю губу, — это, похоже, и вправду серьезно. И — непросто, надо сказать. Тут сразу куча проблем рисуется: деньги, поддержка, универ, родители. Как решать-то будешь?

— По мере поступления, — усмехаюсь. — Деньги, если чуть-чуть подэкономить, вроде как подсобрал, если что — еще что-нибудь придумаю. Тачку продам, в конце концов, потом, время придет, — новую куплю. С университетом — вообще говно вопрос, я ж на третьем курсе сейчас, следующей осенью на четвертом буду, самое лафовое время для таких дел. С предками — похожая схема, им вообще знать что-то необязательно. К тому же они весной, по каким-то папашиним бизнесовым делам, минимум месяцев на восемь в загранку сваливают. В Испанию. И сеструху мелкую забирают, и даже кота. А я остаюсь, типа, — учиться надо. Если домработница не настучит, вообще проблем никаких. А ей-то с какого перепуга стучать? Мать, наверняка, ее только одним-единственным вопросом изводит: вожу я телок на флэт или не вожу? И, если вожу, — приличные телки или не очень приличные...

— Ну, — ржет, — это-то как раз понятно. У самого та же картина маслом. А с поддержкой как? У вас же там не такая вольница, как среди гонщиков, вроде?

— Должны кинуть поддержку, — жму плечами. — Я с Гарри, ну с нашим лидером, на эту тему не один раз разговаривал. И не два. Ну типа, — почву готовил. Вот, мол, так и так, такие дела, хочу попробовать. Так он прямо говорит, что «фирма» сама заинтересована, чтобы в «основе» парни с «золотыми выездами» были. Просто у нас группировка молодая совсем. Два года всего, как часть парней из старой фирмы выделилась, и нас, молодняк, к себе подтянула. А это ведь, — ну, наличие реальных парней с «золотыми», — всей бригаде авторитета прибавит, сам понимаешь...

— Не понимаю, — вздыхает, — но какая разница. Главное, — чтобы ты сам понимал, что делаешь...

— Да, — хлопаю его по плечу, — вроде как разобрался. Гарри пообещал с кем-нибудь из «старой основы» поближе в скором времени свести. На выезде, в Лондоне. Мы со скузерами в Лиге скоро играем, я у предков уже отпросился, даже денег на поездку дали. Игра, естественно, в Ливерпуле, на «Энфилде», но делать там, кроме как футбол смотреть, — совершенно нечего, скучный городишко. Поэтому жить — в Лондоне будем, там, говорят, круто. А в Ливере — я уже говорил — тоска абсолютная. Там только пиво жрать, да со скузерами стрелки забивать. Обхохочешься. Если б я еще битломаном был, но мне эти битлы как-то уж совсем параллельны и фиолетовы. Так что на «басах» туда-сюда на матч сгоняем, да и все дела. Гарри просто сам сейчас редко ездит, его в их банке начальником каким-то сделали, пока тяжело, говорит, срывать. Вот и пообещал с людьми познакомиться, кто помочь может...

И — выбрасываю обмусоленный, потухший окурок.

Я его так и крутил в руках, оказывается. Волновался, что ли?

В этот момент около нас останавливается какая-то развалья и из нее вываливается сияющий Никитос.

Уже оклемался, значит.

Отошел.

Он всегда так...

— Ну, я готов! — орет.

Потом неожиданно понижает голос, почти до шепота.

— Слушай, Данька, — спрашивает, — я тебя давно спросить хотел, да все забывал. Глеб, муж Ингин, он же — из ваших, вроде как? Ну, из хулиганья спартаковского?

— Ну, — подбираюсь внутренне, — и что дальше?

— Да ничего, — жмет плечами, — просто хотел узнать, почему у него кликуха такая странная: «Али»? Ведь он, вроде как, русский. А черных, — ну кавказцев там или негров, — в вашей среде, как я понимаю, не очень любят, да ведь?

Жму плечами ему в ответ.

— Понятия, — говорю, — не имею. Не настолько близко знаком, чтобы знать, извини. Если когда познакомлюсь, — спрошу...

— Жаль, — вздыхает. — А то мне что-то так интересно стало...

Усмехаюсь, хлопаю его по плечу, он — меня, мы ловим тачку и отчисляемся в сторону ожидающего нас заведения...

Глава 1

Мы едем в Лондон

Встречались в Шарике, под табло.

Гарри сказал, что это обычное место встречи.

Я промолчал.

А что я мог ответить-то?

Это у Гарри забугорных выездов, как у дурака фантиков, а для меня этот — первый.

Как первая любовь...

Нет, я и на выезды раньше ездил, разумеется.

И за границей бывал.

Но как-то все по отдельности.

В общем, врать не буду — присцал слегка, не без этого.

Народ под табло встречался, сразу видно, — весьма и весьма на секторе авторитетный. Мосфильмовский с Камри, Али, Крупа, Дешеш, Герцын, Ахмет с «сиротами», солнцевские, Стаканов, Игги, Олигарх с Русланычем и неизменными будками-охранниками, Степаша...

Бак с Жетоном, какие-то не очень хорошо знакомые «гладики», еще пара-тройка серьезных щей из самых топовых фирм.

Гарри тут же побежал обниматься с целой кучей народа, и я остался давиться кислым Шереметьевским пивом в гордом одиночестве и некоторой, уже совсем не гордой, растерянности.

Нет, в лицо-то почти всех знаю.

И мне многие кивают.

Но лично-то фактически ни с кем не знаком.

Как-то все, думаю, не очень правильно начинается.

Но потом, когда мы всей толпой прошли паспортный контроль и уселись в культовом для «выездюков» ирландском пабе, меня сразу же отпустило.

Ну как сразу...

После пары пинт «Гиннеса» точно подуспокоился слегонца.

Да и Гарри рядом уселся, представил кому надо.

Выпили, поболтали.

На борт я поднимался уже совсем в другом — куда более правильном расположении духа.

В самолете, правда, опять пришлось остаться одному.

Гарри сразу ушел в бизнес-класс, я — остался в экономическом.

К счастью, присутствие на соседних рядах целой кучи теперь уже знакомых парней и успокаивало, и настраивало на вполне умиротворенный лад.

Понимал, сейчас взлетим и тут же начнутся хождения по рядам, разговоры и выпивания.

А может, — и беспорядки.

Та-а-акие рожи неподалеку расположились.

Легче перепрыгнуть, чем обойти.

И выражения лиц, мягко говоря, — довольно гнусные.

По крайней мере, стоило устроившемуся через пару рядов от меня Степаше гнусавым от пива и глума (а может, и от природы) голосом затянуть на известный мотивчик: «Я увижу небо Лондона...»

Как он тут же получил в ответ:

— Толстожопая башкирка! Хей! Хей!

И дружный гогот пары десятков вполне себе привычных к стадионному реву глоток.

— Кто? Я — «толстожопая башкирка»?! — искренне удивился Степаша, поворачиваясь к оравшим толстым добродушным лицом.

На это лицо очень хотелось пририсовать фломастером чистенький такой и смешной свиной пяточок, получилось бы совсем уморительно.

— Да ты чо, Степа, соберись! Я таких как ты — ротами строил, восемнадцать тысяч раз тебе говорю, ночью и в дождь!

Поначалу было даже смешно...

Потом через несколько рядов от меня вспыхнула вполне реальная перебранка, и только примчавшимся на шум из бизнес-класса Гарри с Максом Стакановым удалось разбушлатившуюся публику хоть немного утихомирить.

Наконец мы пристегнули ремни, заурчали посильнее моторы, и самолет двинулся на рулежку.

Я с интересом глянул на сидевшую рядом со мной попутчицу.

Очень красивая и стильно одетая светловолосая девчушка, чуть помоложе меня и с совершенно обалденными зелеными глазищами, не обращая никакого внимания на происходящий вокруг ад, увлеченно читала Гарри Поттера на английском.

Симпатичная, думаю, туристочка нашу страну посетила.

Жаль поболтать как следует не удастся: английский у меня, в общем-то, неплохой, но для амурных походов — явно недостаточный.

Говорила мне мама: учи, Данила, языки.

Не слушался, а напрасно.

Сейчас бы сто пудов пригодилось — обсудить, как понравилась гражданочке из Соединенного Королевства Алмазный фонд, Красная Площадь и храм Василия Блаженного.

Ну да ладно.

Самолет взлетел, я отхлебнул из переданной парнями бутылки глоток виски, откинул кресло и постарался заснуть.

Не получилось.

Так и проворочался до того момента, пока стюардессы не начали обед разносить.

Лучше б, думаю про себя, не выеживался, как идиот, типа, — плавали-знаем, — а сразу пошел к парням, познакомился поближе, о выезде своем первом зарубежном поговорил, да о футбольяне предстоящем потрепался.

Отхлебнул бы из их бутылки, свою бы приволок.

Вон, в сумке, закупленный в дьюти фри «Чивас» валяется. Ладно, не пропадет.

Целых неполных пять дней впереди...

А пока вон — лучше перекушу, чем Бог с «Аэрофлотом» послали, бокальчик винишка красного выпью.

Гляжу — и соседка интуристовская стюардессе призывно ладошкой машет.

— Мне, — говорит на чистейшем языке родных осин, — стакан томатного сока и бокал белого вина, пожалуйста.

Ну ни фига себе, думаю...

— А, — бухаю ей первое, что приходит в голову, — вы считаете, что белое вино с томатным соком нормально сочетаются?

Крутит головой, морщит носик, жмет точеными плечиками.

— Так, — отвечает, — водку в экономическом классе не наливают, а в бизнесе — мест не было. Я так понимаю, ваши же товарищи все и скупили. Я ж не знала, что в эти дни столько русских на футбол в Лондон отправятся...

— Ну, — задумываюсь на минуту, — во-первых, все-таки не в Лондон, а в Ливерпуль. «Спартак», вообще-то, там играет. Мы просто решили, что в Лондоне жить интереснее будет, чем в этой дыре портовой. А во-вторых, водки у меня, конечно, с собой нет, а вот виски предложить могу вполне. Не откажетесь?

— Не откажусь, — смеется и протягивает мне узкую ладошку с сильными тонкими пальцами. — Меня, кстати, Лида зовут.

— А меня, кстати, Данила, — передразниваю и лезу наверх, в ящик для ручной клади за бутылкой.

Вот и пригодилась, думаю.

И даже раньше, чем мог предположить...

— И что же Вы, девушка Лида, — спрашиваю, чокаясь «за знакомство», — собираетесь делать в славном городе Лондоне? Где отдыхать? Какие достопримечательности осматривать?

— А что я там еще рассмотреть-то должна? — фыркает. — Я там уже два года учусь. А до этого с родителями там пять

лет прожила, правда, еще совсем маленькой, когда папа там в представительстве работал. Сама уже давно экскурсии проводить могу как нечего делать...

Вот так вот тебе, Даня, думаю.

И — поделом.

За пафос, никому, кстати, и на фиг не нужный.

Хорошо еще, что свои услуги предложить не успел, в качестве гида-проводжатога.

А ведь — собирался.

Я перед поездкой весь Лондон детально проутюжил.

По путеводителю.

Ну и интернет без внимания не оставил, разумеется...

Вот смеху-то было бы...

— Ловлю на слове, — выкручиваюсь. — Проведите, пожалуйста, экскурсию, Лида. Для одного-единственного, но очень симпатичного русского туриста. В смысле, для меня лично. Я в этот город, признаться, в первый раз в жизни лечу, времени мало, а посмотреть столько всего хочется, что даже не знаю, — чего больше...

— Да легко! — смеется, непринужденно переходя «на ты». — Телефон мой мобильный только запиши, да набрать не поленись. Ой, нет, извини! Давай лучше я твой запишу, я же контракт перед отъездом аннулировала. Я лучше сама тебе позвоню. Хоть завтра вечером. Только у меня времени не так много будет, учеба, знаешь, очень напряженная. И — дорогая, зараза. Не хочу отцовские деньги впустую тратить. Так что на экскурсии нам — не больше пары часов в день, включая всевозможные кафе, пабы, рестораны и просто закусовые.

— Ну хоть так, — отвечаю.

Смеемся слаженно, будто миллион лет знакомы.

— А ты где учишься? — спрашиваю.

— В Коммерческой Школе, — вздыхает. — Отец так решил. Он все ждал, когда я сама определюсь, чем мне хочется заниматься. А я — так и не смогла. Вот и принял, как сам говорит, «волевое решение»...

— Ну и как? — поднимаю бровь.

— Да так и не поняла, — морщится. — Иногда вроде нравится. А иногда — нет. Но учусь прилежно, я еще в школе была зубрилкой. А ты тоже еще где-то учишься? Или уже закончил?

Мне тут же захотелось придумать что-то такое... этакое... ну не знаю... но ответил честно.

— Учусь, — говорю, — в МГУ, на журфаке. Третий курс...

— А-а-а, — корчит уважительную гримаску, — хотела бы я — тоже так. Иметь какое-то такое призвание. Тягу. Везет тебе...

И тут меня какой-то черт пробивает уж совсем на глупую откровенность. Причем, — совершенно никому по ситуации не нужную.

Ну не хочется перед ней понтоваться, и все тут.

— Да какое там, — кривлюсь. — На фиг, призвание, Лид. Почти такая же история, как у тебя. Поступать после школы куда-то надо, а я и не знаю куда. Всякие финансы да юриспруденция — вроде как престижно, но что-то уж совсем скучно показалось. Потом вспомнил, что мне в школе сочинения нравилось писать, вот и подал документы. Поступил. Помогали предки или нет — не знаю и знать не хочу. Хотя и догадываюсь, что помогали. Я хоть в школе и на отлично большую часть времени учился, но усидчивости-то как раз никогда и не хватало. Так что вряд ли бы я без отцовской помощи через этот чертов конкурс продрался...

— Па-а-анятна-а-а, — тянет. — А знаешь, — ты мне нравишься, Данька. Другой бы начал корчить из себя невесть что, вешать бедной девушке килограммы макаронных изделий на уши. А ты — вон как. Хочешь, еще выпьем?

— Ты думаешь, я откажусь? — отвечаю вопросом на вопрос.

В школе эту мою привычку почему-то называли еврейской. Я, честно говоря, — дико обижался...

Но она — только засмеялась и стаканчик пластиковый подставила.

Так и проболтали до самой посадки.

А в Хитроу со мной приключилась совсем уж смешная история...

...Я, естественно, Лидину сумку помочь донести немедленно вызвался. Свой чемодан все равно в багаж сдал.

Знал, пусть и по небольшому, но личному опыту, что за границей его намного быстрее выдают, чем в Шереметьево.

Так чего мучиться, спрашивается?

А у нее с собой — эдакий саквояж средних размеров. Что называется, ручная кладь.

Так почему бы и не проявить себя рыцарем?

А по дороге решил в туалет зарулить: ну там дела свои сделать и сигаретку втихаря выкурить, а то уж очень хотелось после долгого перелета.

Да и виски сказывался выпитый чуть-чуть, если честно.

Ну, бросил ее сумку перед входом в заведение, да и заскочил на секундочку.

Все равно в паспортном контроле очередь нереальная.

Выхожу, а у сумки два каких-то мужика крутятся.

С бейджиками.

Явно то ли полисы, то ли еще какая служба безопасности.

— Ваша сумка? — спрашивают по-английски.

Гляжу, а Лиды, естественно, нигде поблизости нет. Наверное, уже к паспортному контролю увистала.

— Ну моя, — отвечаю. — А какие проблемы?

— А что внутри?

Н-да...

А мне-то, откуда знать?

В общем, заставили они меня эту сумку взять, да и повели куда-то типа нашего обезьянника.

И — началось: что там, как, чье?

А я еще и о Лиде этой ничего не знаю, ни имени, ни фамилии. Русская студентка из Лондонской Коммерческой школы, зовут Лидия.

И — все.

И телефона ее у меня, как назло, нет.

У нее мой — есть, а у меня ее — нет, не дала.

Приплыли.

А может, она действительно какая-нибудь террористка или наркокурьерша? Непохожа, конечно, уж больно симпатичная и душевная. Но ведь их, наверное, специально так и натаскивают...

Во попал...

Хорошо, что догадался Гарри позвонить, обрисовал ему ситуацию.

Полисы — разрешили.

— Что делать-то? — спрашиваю.

— Сейчас, — отвечает. — Не паникуй, что-нибудь придумаем.

Минут через пять перезванивает.

— Тут, — говорит, — какое-то чудо зеленоглазое по всему аэропорту носится. Светловолосая, в серых джинсах, чуть пониже меня ростом. Куртка из светлой тисненой кожи, такой же рюкзачок. Не твоя «террористка», случаем, тебя со своим багажом разыскивает? Если твоя, — то я б сам с ней какой-нибудь теракт совершил. Желательно не один раз и, может быть, — даже в извращенной форме...

— Она! — кричу. — Гарри, это точно она! Лидой зовут! Только не говори ей, что я о ней эту хрень подумал, она мне правда очень понравилась!

— Идиот, — констатирует. — Сейчас перезвоню.

Ну я обрисовал полисам ситуацию в общих чертах, они посмеялись. Потом перезвонил Гарри.

Он передал свою трубку Лиде, я свою — полицейским, они переговорили минуты две.

И один из них куда-то ушел.

А вернулся уже с «зеленоглазым чудом», и она почему-то первым делом кинулась не к сумке, а мне на шею.

— Ты, — шепчет, — извини меня, Данька, я та-а-акую гадость о тебе подумала...

— Это ты меня извини, — отвечаю.

Но признаваться в том, что я, в свою очередь, подумал о ней, — благоразумно не стал.

Просто потому, что неожиданно поймал себя на мысли, что мне очень нравится с ней обниматься.

Даже в таких нелегких полевых условиях и на глазах двух совершенно ошалевших офицеров британской полиции.

А вдруг обидится?

Нет уж, ну его на фиг...

Лучше помолчу...

...Сумку она, разумеется, признала, сказала полисам, что там внутри лежит, и нас отпустили.

Правда, разные формальности все равно при этом заняли минут минимум сорок. И это даже несмотря на то, что через паспортный контроль меня улыбающийся полицейский провел вне очереди.

Но я не расстраивался.

Потому что на выходе меня ждала сияющая Лида.

Правда, в не очень приятном, на мой взгляд, сопровождении иронично-равнодушного Али и злого как черт Гарри.

Он-то меня первым и поприветствовал.

— Ну что, — говорит, — террорист хренов, автобус наш уже, естественно ушел. За такси из Хитроу до отеля ты платить будешь? Сколько это тебе будет стоить, догадываешься?

— Ой, мальчики, — неожиданно машет ресницами Лида, — а давайте я заплачу, Даня же из-за меня пострадал...

А я — стою дурак дураком. И даже представить себе не могу, что нужно ответить...

Хорошо еще, что неожиданно Али выручил.

— Милая девушка, — говорит, — я вижу, вам понравился наш товарищ. Мы этому очень рады. И если это действительно так, то не мешайте педагогическому процессу, пожалуйста. В ваших же, в конце-концов, интересах, чтобы сей юноша стал немного благоразумней, почему нет? И еще — неужели мы действительно чем-то похожи на людей, которые не в состоянии заплатить за кэб?

И, зараза, так иронично чешет указательным пальцем породистую переносицу, что я внезапно понимаю: пропал дом.

Сгорел на фиг.

Если он еще минут несколько в таком же духе продолжит — не видать мне Лиды как своих стремительно краснеющих ушей.

А еще понимаю, что Инга тоже выходила замуж — ну са-а-авсем не за его миллионы.

Н-да...

Слишком что-то много открытий чудных для такого короткого промежутка времени...

Что делать-то?

...Делать, к счастью, ничего не пришлось.

Али как-то стремительно поскучнел, подхватил свою сумку и, ни слова не говоря, пошел в сторону стоянки такси.

Мы двинулись следом...

...Лондон меня поразил прежде всего тем, что совершенно не соответствовал моим о нем представлениям.

Он оказался очень солнечным, очень просторным, очень зеленым и очень доброжелательным городом.

И никакого тебе Чарльза Диккенса.

Мы, сделав небольшой крюк, высадили Лиду у дверей ее дома («спасибо, да, вот сюда, я здесь квартиру с подругой снимаю»), пошутили по поводу ее подруги и довольно быстро добрались до Гайд-парка, рядом с которым как раз и располагался наш небольшой отельчик.

Пока кэбмэн помогал нам выгружать вещи из машины, Али как-то чересчур выразительно посмотрел в сторону Гарри:

— Ты действительно уверен, что нам сюда, Игорек? — спрашивает.

Гарри в ответ только щекой дернул:

— Зато вместе со всеми нашими, — говорит. — Можно подумать, не догадываешься, что у всех разные доходы. И вообще, Глеб, не мог бы ты хотя бы на время засунуть свой пафос прямо себе в задницу?

Али сглотнул, потом равнодушно пожал плечами:

— Наверное, ты прав.

Расплатился с кэбмэном, подхватил сумку и пошел к дверям, где уже маялся, ожидая нас, Вовка, наш старший группы от турагентства.

Мы двинули следом.

Вовка пожал нам всем по очереди руки, а с Гарри — так даже и расцеловался и проводил до ресепшена.

Али достался одноместный люкс, Гарри — съют, а мне, как и планировалось, место в двухместном номере, где в моих соседях числился не кто иной, как Степашка.

Гарри, узнав об этом, искренне заржал, а Али посмотрел на меня с нескрываемым интересом.

Можно сказать — почти с восторгом.

— Нда, — говорит, — мой юный друг. Тебе, кажется, предстоит узнать об этой жизни много нового и интересного...

— Это уж точно, — смеется Гарри. — Что-что, а скучно не будет...

Как в воду, собственно говоря, глядел. Сволочь...

— Кстати, Дэн, — вдруг делает вид, что только что что-то вспомнил, Али, — тебе моя жена просила привет передать. И велела, чтобы я присмотрел за ее бывшим штурманом. Ну так вот — один раз я уже, кажется, прокололся. Нет, вру, два. Первый раз в аэропорту с сумкой этого чудесного зеленоглазого блондинистого создания. Впрочем, там я за тобой уследить все равно бы не смог. При всем желании. Если б не любимая жена — сам бы не устоял. А вот с соседом твоим мне явно потом Инка предъявит по полной программе... Ну да ладно. Такой жизненный опыт — он ведь тоже полезен. А пока иди, размещайся, через полчаса встречаемся тут, в холле, да пойдем куда-нибудь перекусим и пивка местного попьем. И пусть это пиво станет для тебя третьим и последним культурным шоком в славном городе Лондоне...

Они подхватили сумки и, давась от смеха, направились в сторону лифта, а я достал сигареты и присел на диванчик, пытаюсь справиться с подкатывающим недоумением...

Однако через оговоренные полчаса как штык был в холле, причем успел за это время не только разместиться и пере-

одеться, но и даже наскоро принять душ. Парни, естественно, опоздали.

Гарри появился минут через пять после меня, а Али — так и вообще пришлось вызванивать из номера.

После чего он таки соизволил спуститься.

Чем-то недовольный, позевывающий и слегка взъерошенный.

Ничего удивительного.

Курс молодого бойца, так сказать.

Я же понимаю...

Мы двинули в сторону Гайд-парка.

Чуть-чуть прогуляться, попить пивка в настоящем пабе, а потом найти подходящую итальянскую или аргентинскую харчевню и заточить там сочный кусок телятинки. Ибо жрать то, что британцы называют едой в аутентичных заведениях, может только человек, желудок которого адаптирован к этой хрени многочисленными поколениями предков, клавших свои животы — во всех смыслах этого слова — в хреновой туче колониальных войн во славу Империи, — как совершенно справедливо заметил Гарри на выходе из отеля.

Али внезапно остановился, осмотрел своего приятеля с головы до ног и восхищенно покачал головой:

— Надо бы записать, — говорит.

— На хрена? — искренне удивляется мой топ-бой, чиркая дешевой одноразовой зажигалкой.

— Да дочь собираюсь весной сюда на уик-энд вывезти, — улыбается Глеб. — А лучшей характеристики — и придумать не надо...

— А у вас что, с Ингой дочь есть? — удивляюсь искренне.

Я почему-то думал, что у них вообще нет детей. Слишком уж они оба какие-то... молодые и свободные, что ли...

Взгляд Али внезапно тяжелеет.

— От первого брака, — бросает коротко. — Пошли, что ли, уже паб искать. Пива хочу. Настоящего темного британского пива. Двойную пинту, и немедленно...

...Но до паба нужно было еще и добраться. Потому как вдоль Гайд-парка шли многочисленные толпы людей: всех цветов и оттенков кожи, с какими-то типографскими и вручную изготовленными транспарантами, многие в просторных восточных одеждах, многие — в обычных джинсах и свитерах. Что-то поют, скандируют.

— Это еще что за хрень? — искренне удивился Али.

Гарри заржал.

— Говорил я тебе, Глебушка, — смеется, — что надо хоть изредка газеты читать, да новости по телевизору просматривать. А то совсем в мире потеряешься. Вот чем ты, к примеру, в самолете занимался? Не надо, не рассказывай, я сам видел. Виски жрал да Шпенглера почитывал, про закат Европы. Видел, видел — не отпирайся. Хоть бы «Плейбоем», что ли, прикрыл его для приличия. А если б как я, к слову, открыл хотя бы на пять минут лежавшую перед самым твоим носом «Файненшл Таймс», то тебе не пришлось бы краснеть перед своими товарищами за незнание того элементарного факта, что вместе с нами в славный город Лондон прилетел некий президент Соединенных Штатов. А прогрессивная, как водится, общественность приурочила к его приезду многочисленные манифестации — против имперской политики вообще и войны в Ираке в частности. Вот эти манифестанты и гуляют ща туда-сюда прямо перед твоим похмельным взором. А тебе, видать, кажется, что — глюк...

— Вот как, — снова удивляется Али, потом присматривается и неожиданно сгибается в приступе безумного хохота.

— Да, — выдавливает из себя между всхлипами, — славно они протестуют. Ой славно! Вы вон туда посмотрите, чуть левее...

Мы — посмотрели...

...В стройных рядах прогрессивной общественности уверенно, хоть и чуть покачиваясь из стороны в сторону, маршировал весьма устойчивый островок из пьяных в легкое гавнецо двадцати-тридцати довольно приметных рыл, весьма приличных для данной местности габаритов...

Рыла были, естественно, весьма легко опознаваемы: а с кем это мы еще в самолете-то сегодня летели?

Впереди гордо шествовали Степашка с Дешешем.

Именно что не шли, а шествовали...

... Потому как над их головами гордо реял вручную (и явно на скорую руку, при помощи стопудово спижженной где-то простыни и прикупленного в ближайшей лавке баллончика с краской) изготовленный транспарант, из которого удивленное человечество могло познать, что, кроме американского президента, все мировое зло сконцентрировано в футбольном клубе ЦСКА...

Который за это дело должен сосать — непрерывно и не нагибаясь.

Причем, естественно, — у красно-белых.

Которые и являются вечными и неизменными чемпионами всего земного шара. По всем существующим в природе видам спорта, разумеется.

Ну и ваще...

Они еще и что-то скандировали непрерывно, подонки.

Жалко до нас не долетало.

Хотя мы — и так догадывались, что именно.

Группку постоянно старались поймать в свой объектив камеры британского телевидения и прочие фотографические папарацци. Слишком уж живописно они смотрелись на фоне всего остального митингующего скама, чего уж там...

Надо будет завтра подкупить местную прессу, полюбопытствовать, как-то сразу подумалось...

— Нормально, — завистливо вздыхает, отхохотав свое, Гарри. — Парни глумятся. Аж завидки берут, если уж совсем честно...

— А ты не завидуй, — досмеивается, продолжая нервно всхлипывать, Али. — Либо пошли паб искать скорее, либо вон, иди Дешеша подмени. А то банкир наш, похоже, ща рухнет прямо на лондонскую мостовую, под неодолимой тяжестью мирового зла и так и не побежденного до конца зеленого змия...

— Это да-а-а, — уважительно тянет Гарри. — Сколько в нем плещется ща — я бы уже умер. Он еще в самолете, сцуко, прямо у меня на глазах, грамм семьсот убрал. Потом еще в Хитроу местным пивком догонялся, пока Даньку ждали. Да и после вряд ли остановился, знаю я его...

— Есть, есть еще люди в наших рядах, — вздыхая, резюмирует Али и поворачивается в мою сторону. — Учись, студент. Банкирский труд — нелегко и опасен. И — zelo нервен, сцуко. Ну что, пошли пиво пить?

— Я в банкиры не собираюсь, — бурчу. — Я в МГУ учусь, на журфаке...

— О как! — Али смотрит на меня под каким-то новым углом. — Странно. Я почему-то думал, что ты какому-нибудь финансовому менеджменту обучаешься. Слишком уж, извини, не похож на человека творческой профессии. Что ж, жизнь тем и хороша, что постоянно открывается перед нами какими-то новыми гранями...

Я в ответ неопределенно жму плечами, и мы отправляемся дальше в поисках подходящего заведения.

...В пабе было темно, тихо и пустынно.

Как в настоящем английском пабе в самый разгар рабочего дня.

Я сразу направился к очень симпатичному на вид ломаному угловому столику, но Гарри почему-то меня остановил, мягко взяв за предплечье.

— Это не кафе, Дэн. Это паб. Здесь официантов — нет. Вернее есть, но они носят только еду. А пиво наливают у стойки.

Я подсмотрел, какой сорт заказали себе парни, и, уверенно выбрав именно его из многочисленных пивных «доек», попросил себе у худого как жердь рыжего бармена точно такой же.

Рыжий уважительно кивнул и налил.

Мы взяли бокалы — я обычную пинту, а Гарри с Али сразу устрашающего вида двойные — и только после этого плюхнулись за облюбованный мною столик.

Причем они начали с нескрываемым наслаждением хлебать из своих емкостей еще по дороге к столу. Я же, к счастью,

сначала уселся и только потом сделал глоток из приятно охлаждающего руки пинтового бокала.

Блять!

Так вот какая ты, думаю, на вкус, настоящая ослиная моча...

Парни — ржали.

— Ты не переживай, — говорят. — Оно попервоначалу всем редкостным говнищем кажется. Потом привыкаешь...

— Угу, — отплеываюсь. — Цитатка есть такая. Про Ипполита Матвейча, который подарил дворнику очки. Они дворнику очень понравились. Только сначала он в них очень плохо видел. А потом привык и носил не снимая. Это я к чему... тьфу, блин... эта... может, я лучше простого светлого закажу?

Али неожиданно посерьезнел.

— А вот это ты напрасно сказал, парень. Даже — не то слово: «напрасно». А просто — глупо. Ты вот сейчас, только что, Ильфа и Петрова на память цитировал. А есть такие, что друг другу шутки Петросяна пересказывают. Так как ты считаешь, кого легче понять: Ильфа или Петросяна?

— Ну это, — смешиваюсь, — Петросяна, конечно. Только его ведь не интересно. Для тупых...

— Угу, — продолжает, — для тупых. Вот только для того чтобы ты это понял, ты сначала должен был в Ильфовский юмор врубиться. Или, к примеру, — в Булгаковский. Про Хармса я вообще молчу, потому как не знаю, дорос ты до него или еще не дорос. Но когда дорастешь и врубишься, тогда поймешь, что это — еще смешнее. Но если дать Хармса человеку, который не хочет приложить определенный труд, чтобы врубиться, то он скажет: «Какая хуйня, дайте Петросяна». Сразу после Верки Сердючки. Или — перед ней, какая разница. Понял?

— Или еще пример, — неожиданно включается Гарри. — Для сабжа, который всю жизнь пил сраную паленую водку, любое французское или итальянское вино по-любэ сначала покажется долбаной кислятиной. И даже если у него появится бабло, чтобы это вино покупать и пробовать, но не будет желания разобраться, что же умные люди в этой кислятине

находят, то он так и останется быдлом, ищущим в спиртном только удар по мозгу...

Я молчал.

Осмысливал.

А Али — просто подхватил у Гарри тему, как легкоатлет подхватывает у товарища по команде эстафетную палочку.

— Я, — говорит, — к примеру, не люблю французское вино. Мне оно кажется чересчур сухим. Я даже пьемонтские вина не очень люблю, предпочитаю фриульские и еще южнее. Но я имею право так сказать, потому что я понимаю кайф хорошего французского вина, просто — это не мой кайф, понимаешь? А вот какой-нить мутик, который сразу сказал: «Тьфу, кисло» — и теперь «не любит французские вина» и этим сильно гордится, — так он мутик и есть, и не фиг о нем больше разговаривать. Или если я пока не врубился до конца в классическую музыку, то это вовсе не значит, что классическая музыка — гонево. Это значит, что я в нее просто еще не врубился. Когда врублюсь, тогда и смогу сказать — мое или не мое. Но — не раньше.

— А то, что у тебя в бокале, это «Джон Смит», — усмеяется Мажор. — В России ты его не найдешь, если только какой эрзац, проверено. Один из самых лучших сортов пива, от которого получают удовольствие хрен его знает сколько поколений людей. Просто попробуй понять, что они в нем находят, ок?

— Ладно, ты, студент, пока посиди тут, подумай, — смеется в ответ своему другу Али, — а мы с Гарри пойдем, еще по одной возьмем. И вот еще — я сам врубился во вкус эля только на третий приезд в Англию. Зато сейчас, была б моя воля, только его б и пил. А непривычные ощущения — так это он просто не газированный. Как любое настоящее британское пиво. Видел, как бармен качал? Само не течет...

...И — пошли к стойке, вполне собой довольные и умиротворенные.

А я остался за столиком и попытался сделать еще один глоток.

Не могу сказать, что мне очень понравилось.

Но пить вроде можно...

...А потом мы гуляли по Гайд-парку, и Гарри самозабвенно кормил с руки белочек специально купленными орешками. А у меня — слегка кружилась голова, чуть побаливали ноги, и уши еще будто кто-то ватой набил.

Видимо, и перелет сказывался, и просто — избыток информации.

Поэтому, когда мы уселись за столик в итальянском ресторане и Гарри заговорил с нами о моем предстоящем «золотом выезде», мне показалось, что он за это дело несколько несвоевременно принялся.

Но — что делать, что делать...

Хорошо еще, что он хоть дождался, пока официант откроет заказанную Али бутылку вина.

Мажор, кстати, выбор своего друга — более чем одобрил.

Попробовал, пожевал губами, сделал глоток, кивнул одобрительно и решительно развернулся в мою сторону.

— В общем, так, Дэн, — говорит. — Поддержка у тебя будет, даже не сомневайся. Глеб тут не случайно сидит, в том числе, как ты догадываешься. Условие одно: ты — на время, разумеется, — не участвуешь ни в каких силовых акциях, понял? И чтоб никаких мне: «Да я тут проходил мимо, вижу, наши парни дерутся, что я теперь, сторонкой обходить должен?» Должен! Если уж только совсем не прижмет. Или — если я сам тебе не скажу. Ни на дерби с конями, ни в Питере — нигде. Понял?

Али, гляжу, молчит, не вмешивается.

Не лезет в разговор лидера пусть пока что небольшой, но уже стремительно набирающей вес «фирмы» с пока еще рядовым бойцом.

Делает вид, что в окно смотрит.

Но на самом деле — слушает внимательно.

— Но... почему? — выдавливаю. — Какой смысл тогда в поддержке команды, если ты за ее честь вписаться не можешь?

Али хмыкает.

Гарри крутит пальцем у виска.

Али — вздыхает.

— Дурак ты, — говорит, — студент. Может быть, пока, а может, — и вообще по жизни. Если б Гарри просто рядовые бойцы нужны были, мясо для фэстлайна, — он бы на тебя свое не самое плохое в этой жизни время не тратил. Вообще. В принципе. И я бы тут не сидел по его просьбе...

В этот момент улыбающаяся официантка приносит Гарри тарелку с карпаччо, а Али — отварную спаржу с сырным соусом.

Мне — ничего, я пиццу заказал.

И денег не так много с собой, да и вообще не понимаю я, честно говоря, в этих изысках.

Может, кстати, и стоит попробовать разобраться.

Не знаю пока.

Не уверен.

Гарри допивает свой бокал и просит официантку принести еще бутылочку такого же.

Потом смотрит прямо мне в глаза.

Ну и взгляд, кстати. Стены ломать можно, как тараном.

Да и понятно.

Лидерами группировок просто так не становятся.

Но я — выдерживаю...

— Реальный траблмейкер, — Гарри говорит медленно, как будто мучительно подбирает слова, пробует их на вкус, как только что пробовал заказанное Али вино, — может легко поднять, если ему это будет нужно, больше сотни реальных бойцов в течение получаса, пользуясь при этом только мобильным телефоном. Может в пять минут замутить беспорядки на любом стадионе любого города. Может продумать и организовать такую акцию, о которой назавтра будут писать все газеты любого сраного пердяевского местечка на всей территории Российской Федерации и по прочим говенным окрестностям. Может так просчитать подходы и отходы к месту стрелки с врагами, что, если что пойдет не так как хотелось, — то там все будет тихо, как на кладбище. И все это он может сделать

так, что его не повяжут менты и не засветят на видео. Он уже будет в стороне, уйдет, как вода в песок, его никто и не вспомнит, понял? В лежании на больничной койке и сидении в ментовском обезьяннике нет никакой доблести. Вообще никакой! Случается, конечно, всякое, но — это либо прокол, либо дерьмовое стечение обстоятельств. Ведь если топ-бой окажется в ментовском обезьяннике, его оттуда по-любому будут вытаскивать. Деньгами, влиянием, прочими ресурсами. То есть кто-то будет реально и очень сильно напрягаться. А напрягать серьезных людей — это не есть хорошо, всасываешь? Ну а если надо, — он встанет в первую линию уличного боя, где его почти наверняка затопчут враги, но он будет кусать их за ласты, пока ему не вышибут последние зубы. Впрочем, это ты уже умеешь. А всему остальному — будешь учиться, усвоил? И — никаких силовых акций, вообще, по возможности, никаких драк, даже в совершенно не относящемся к делам движа кабаке из-за понравившейся девушки. Если догоняешь — кивни. Если нет — заканчиваем разговор и разбегаемся.

Я молчу.

Закуриваю сигарету.

Я все понимаю, это все правильно — то, что он говорит.

Но — оставаться без этого запредельного кайфа, без этого бешеного адреналина, бьющего в голову лучше самого клевого шампанского, без ощущения братского плеча рядом с тобой...

Без этого топота ног по темным кривым переулкам, без трясущихся рук, не могущих поднести огонек зажигалки к кончику сигареты, без самого первого, самого вкусного после удачного боя глотка пива...

Я докуриваю сигарету, от души прикладываюсь к бокалу с вином.

Оно горчит.

Гарри ждет, смотрит не отрываясь.

Я — закуриваю новую сигарету, поднимаю глаза и встречаю его взгляд.

Передо мной сидит и смотрит мне в глаза волк.

Умный, уверенный в себе, осторожный, матерый волчара.

Мне хочется быть таким же.

— Да, — говорю. — Мажор. Я все понимаю. Ты — старший. Я — согласен...

Али поднимает глаза от недоеденного блюда со спаржей, смотрит на меня искоса, кивает каким-то своим мыслям.

— Ну вот, — говорит, — и ладушки. А теперь, в ожидании горячего, можно и чего покрепче выпить. Например, граппы. Ты как, Гарри?

Гарри хмыкает, постепенно, прямо на глазах, оттаивая.

— Да я бы, — отвечает, зевая и потягиваясь, — вообще бы ща наебенился с превеликим удовольствием. Устал что-то как собака. Должность еще эта новая. Ну на работе. Начальник управления, не хухры-мухры. Мозгами понимаю, что надо. Карьера, мать ее так. Да и бабки совершенно другие. На порядок. А все равно, не будь семьи, которую кормить надо, с таким бы удовольствием всю эту байдю на хер послал — ты даже представить себе не можешь...

— Почему это не могу?! — удивляется в ответ Глеб. — Еще как могу! Может, еще даже похлеще, чем ты, брат, думаешь...

И — машет рукой пробегающей мимо официантке...

...Обратно в отель мы добирались уже на кэбе.

Нет, идти, в общем-то, у нас еще получалось.

Но вот только как-то уж совсем медленно...

...В номере на соседней кровати жутко храпел абсолютно пьяный Степаша. Я вспомнил предостережения парней и решил, что они меня напрасно запугивали. Я сам сейчас в таком состоянии, что меня никакой храп не остановит.

Посмотрел на часы.

Надо же.

Еще всего три часа дня по-местному.

В Москве, соответственно, — семь вечера.

Вот что значит — вылетать ранним утренним рейсом, думаю. Еще вечером погулять по городу немножко успею.

Поставил на шесть будильник на мобильном телефоне, задернул шторы и — моментально отрубился.

Как будто в пропасть обрушился...

Глава 2

Лондон и Ливерпуль

...Просыпаюсь — темно.

Мучительно шарю рукой по тумбочке, пытаюсь найти часы или хотя бы мобильник.

А вот те хрен.

Ну, думаю про себя, — мутик, ты для чего в Лондон летел? Чтобы спать?!

На соседней койке неожиданно застонали.

Я приподнялся на локте и сквозь плотный сумрак сумел-таки разглядеть круглые, немного испуганные глаза Степашки.

— Слышь, — говорю, — Степ, ты не в курсе, сколько сейчас времени?

Он прокашливается, что-то ищет рукой на тумбочке.

Часы, наверное.

— К черту, — отвечает наконец, — эти подробности! Лучше скажи, в каком мы городе?

Я захрипел и начал шарить ладонью по стене в поисках выключателя...

...Времени, кстати, оказалось не так уж и много.

Полседьмого.

Мы со Степашей оделись и пошли вниз, в бар, приводить себя в порядок.

Хотя бы пивом.

Башка болела так, что я уже готов был мысленно согласиться с Али насчет того, что британский эль, по крайней мере, ничуть не хуже моего любимого чешского светлого. А, может, даже и лучше.

Если он — холоденький, а никакого другого пива в баре, к примеру, не имеется.

К счастью, — имелось.

Легкое и светлое.

Мы со Степашкой взяли сразу по три и после второй — заблаженствовали.

Его, кстати, на самом деле Толиком звали. А Степашка — это просто кличка такая, потому что он всех Степами зовет.

Он — не обижался.

Он вообще, по-моему, ни на что не обижался.

Я еще никогда в жизни не видел таких добродушных и по-хорошему оторванных людей.

Но боец, говорят, в свое время был весьма нефиговый.

Да и сейчас, пожалуй, если припрут к стенке, то под его колотухи лучше не попадаться.

На секторе его, по крайней мере, уважали.

А это, поверьте мне, — дорогого стоит.

Очень дорогого.

В каком он городе находится, кстати, Толик вспомнил, когда умывался. По типичным английским кранам, из одного из которых — совершенно отдельно — течет горячая вода, а из другого — холодная.

Я раньше об этом только читал, а он, оказывается, уже тут бывал.

Два раза.

Один раз — просто так, с женой. А второй — на выезде, когда «Спартак» проиграл «Арсеналу» на «Хайбери».

Ну и еще один раз — проездом, когда с «Лидсом» бились.

Но это, он говорит, — не считается.

А я-то, дурак, думал, что насчет «города» — это он просто прикалывается...

Когда мы допивали по третьей кружке, сверху спустился злой, помятый и похмельный не хуже нас Али.

— Ты уже здесь? — накидывается. — А что, блин, не разбудил-то?

Да.

Действительно косяк, думаю.

К счастью, выручил Степашка.

— Слышь, — говорит, — Степ. Ты знаешь, как я тебя люблю и уважаю, но — хорош тут дедовать, на фиг. Давай лучше садись, пивка с пацанами попей, повспоминаем с тобой годы наши старые, золотые, — молодому, вон, на радость. Он и не видел, небось, такого никогда...

Али вздыхает, надменно улыбаясь сквозь явную головную боль.

Он что, думает — незаметно?

Да у него даже каждая волосинка на большой породистой башке вопиет ща о кружке пива и рассказывает об этом всем окружающим!

— Ох, — говорит, — Толь. И за что я только тебя, дурака старого, так люблю? Может, за то, что ты, как всегда, прав?

— О! — Степаша поднимает вверх указательный палец. — Вот именно! А еще — за то, что я хороший...

Они, кстати, оказались — ровесники...

А ведь — не скажешь.

Али выглядел по крайней мере лет на десять моложе.

И это — как минимум.

...А потом спустился Гарри и сказал, что ему звонили парни, они нас всех ждут в каком-то ресторане.

Пива он пить, кстати, не стал.

Опрокинул по-быстрому стаканчик виски, и мы поехали.

Ну а там — уж как водится.

Неплохо, что называется, посидели. До номера добираться пришлось — опять на полусогнутых.

Но — добрался.

Порадовало только одно: Степаша еще пока что где-то загуливал, а значит, засыпать доведется, слава Богу, — в тишине.

Храп у него, конечно, — просто запредельно громкий...

С этими мыслями и завалился спокойненько, даже зубы умудрился заставить себя перед сном почистить.

К сожалению, как выяснилось, — я рано радовался...

...Разбудил меня резкий, сильный и очень-очень злой стук в дверь.

Было такое ощущение, что долбили аж в четыре руки, причем давно и безнадежно.

Ни фиги себе, думаю.

Пожар?!

Потоп?!

Или что?!

Степаша ключ, что ли, от номера потерял?!

Ну, судя по его состоянию, — не удивительно...

— Сейчас-сейчас! — кричу спросонья. — Минутку!

Натянул на всякий случай джинсы, включил настольную лампу, подошел к двери.

— Кто там? — спрашиваю.

— Конь в пальто! — отвечают из-за двери голосом Степашки. — Открывай, бля...

Но вот только почему-то голос этот доносится... э-э-э... как-то... э-э-э... снизу, что ли...

Ну ладно, мне не жалко, открываю.

...!

Мама!

Ну ни фиги же себе, картина маслом!

Тело Толика висит в коридоре фактически параллельно земной поверхности, голова где-то как раз на уровне моего... гкхм... скажем так, — ниже пояса...

Штаны спущены фактически до коленей.

Впрочем, и неудивительно.

Потому как, пока его тащили по коридору, эти самые колени почти наверняка волочились по полу.

Куда же им, бедным, — в смысле, коленям, — еще деться-то, при живом-то весе тела явно прилично больше ста килограммов.

Кто волок?

А вот они стоят, красавцы.

Два совершенно огромных, мускулистых, налысо выбритых негра.

Я таких раньше только в голливудских фильмах видел...

— Хуль встал, пропускай! — подала неожиданно голос поднявшаяся по этому случаю до уровня моего пупка голова Толика.

И — запела.

— Быва-а-али дни-и весе-е-елые... дальше ни хуя не по-мню... ой!

Это его негры на кровать бросили.

Где он немедленно и захрапел своим богатырским храпом. А негры все так же молча развернулись и пошли.

Я кинулся за ними.

— Извините, — говорю, — господа. Но что случилось с моим товарищем?

Один из гигантов все-таки соизволил обернуться.

— Твой долбаный товарищ, — отвечает, — спал под нашей дверью, на коврик. И я еще пока не слышал, чтобы хоть один сукин сын храпел под моей дверью так громко, что у меня в номере стекла вибрировали. И еще, передай ему, чтобы он молился своему долбаному белому Богу или кому там еще у вас молятся, что мы с Сэмом не педики. Иначе одной целой белой жопой сегодня стало бы меньше, а он бы даже ничего не почувствовал.

— Ничего себе, — говорю. — Спасибо вам, парни. Но как же вы узнали, в каком номере он живет? Ведь он же ни слова не говорит по-английски!

— Это было непросто, — вздохнул второй гигант, и они величественно удалились.

Я подошел к окну, отодвинул шпингалет и закурил.

А Степаша перевернулся на другой бок и неожиданно перестал храпеть...

...Когда я на следующее утро рассказал эту историю Гарри и Али, они ржали — просто как подорванные...

Правда, недолго.

— Это еще фигня, — говорят. — Тебе еще повезло, что тебя с Герцыным в один номер не поселили. Он однажды

у своего напарника контактные линзы выпил. Кстати, здесь же, в Лондоне, на «Арсенале»...

— Как это вообще, в принципе-то, возможно, — поражаюсь, — контактные линзы выпить?

— А вот так, — ржут. — Проснулся ночью с бодуна, сушняк долбит, до мини-бара ползти тяжело. Глядь, — а на тумбочке стакан стоит. Откуда ж ему, бедолаге, знать, что его товарищ туда специально на ночь контактные линзы положил? Что там Серега после этого на «Хайбери» разглядеть мог — просто ум за разум заходит...

Да, думаю.

Тогда — и вправду, наверное, повезло.

А может, просто хорошо, что у меня зрение нормальное?

Следующий день, кстати, оказался обычным туристическим днем, без каких бы то ни было особенных приключений.

Мы прокатились на знаменитом лондонском двухэтажном туристическом автобусе, потом на кораблике по Темзе.

Попили пива в доках, прошвырнулись по Пикадилли, покормили голубей на Трафальгарской площади.

Победали, по совету одного из приятелей Али, в довольно симпатичном пакистанском ресторанчике.

Словом — день как день.

А потом мне позвонила Лида, сказала, что у нее закончились занятия, она освободилась, и пригласила на обещанную экскурсию по вечернему Лондону. И мы после этого где-то часа четыре гуляли по городу.

Иногда даже — трогательно держась за руки.

...Лондона в тот раз я, правда, особо не рассмотрел...

Просто потому, что мне почему-то куда больше нравилось смотреть в ее сторону.

Она, как мне показалось, — тоже особо не возражала...

...Когда я вернулся в отель, Толик уже спал.

Храп, естественно, стоял такой, что можно повеситься. Но я-то уже, блин, знал, что с этим можно бороться!

Аккуратно перекатил его на другой бок — и все дела.

Не могу, конечно, сказать, что это было очень легко: эдакую тушу ворочать — это вам не в Интернете на основу выеживаться, — зато результат сразу же превзошел все, даже самые смелые, ожидания.

Тишина.

И только ровное детское сопение на соседней кровати, как будто приглашающее — давай-ка и ты ложись спать, старик.

Что я, собственно говоря, и сделал совершенно незамедлительно...

...Утро показалось мне в тот раз — каким-то ну совершенно удивительным. Как только проснулся — сразу перед глазами вчерашний день рисуется: город, река, площади, парни с пивом...

Лида...

Я открыл глаза и потянулся с улыбкой.

За окном номера — явно еще раннее-раннее утро. Второй этаж, окна открыты, а — тишина.

Солнышко через еще зеленые листья пробивается, лицо щекочет, как в детстве.

Казалось бы, — еще спи и спи себе в удовольствие, высыпайся.

А — не хочется.

Встал, оделся.

Почистил зубы в ванной комнате, умылся, причесался, вообще привел себя в порядок.

Бриться, смотрю, — пока не надо, я вообще редко бреюсь.

Где-то раз в неделю.

Батя смеется, что пока.

Посмотрим...

Я не комплекую по этому поводу, если честно...

Постоял у окна, посмотрел на улицу.

Солнечно.

Пустынно.

А пойду-ка я, думаю, — позавтракаю...

Спустился в ресторан.

... Нда...

То, что англичане называют завтраком, — добило меня окончательно.

Хорошая страна, отличный город, но, блин, как они могут это говно жрать-то?!

Надо, думаю, в бар выдвигаться, может там хоть чипсы какие со вчерашнего вечера остались, а то так и буду ходить голодным.

Захожу, — а там уже Али сидит, кофе пьет.

Свежий, гладко выбритый, подтянутый.

Запах дорогого мужского парфюма, оказывается, просто замечательно сочетается с запахами табачного дыма и свежесваренного эспрессо.

Словом, — не мужик, а загляденье.

Нда, думаю...

Позавчера, да и вчера — он совсем не таким был.

Что ж, делаем выводы...

— О! — говорит. — Привет, студент! Ты что так рано?

— Да вот, — жму плечами, — выспался...

— Я вот — тоже, — вздыхает. — Вчера, как только ты к своей террористке умчался, как-то сразу понял, что «немного устал», мягко говоря. Вернулся в отель, принял несколько даблов скотча и спать завалился. Даже пары страниц на ночь прочитать не сумел, а обычно без книги и не засыпаю. Такое вот мое личное снотворное...

Тожe заказываю чашку кофе, достаю сигареты, усаживаюсь за его столик.

— А Гарри, — интересуюсь, — что, спит еще?

— И не спрашивай, — смеется. — Они вчера куда-то «клубить» намыливались. Всем составом. А это — на всю ночь, даже не сомневайся. Я, когда проснулся, хотел было ему позвонить, но потом подумал, что быть посланным по матушке — удовольствие по-любому сомнительное. А ты что такой кислый?

— Да вот, — морщусь, — испортили настроение, сцуко. Ты еще на завтраке не был?

— Нет, — жмет плечами. — Я что, больной, в отельную тошниловку жрать ходить?

Потом хлопает себя по лбу, смеется.

— А, — ржет, — так вот что тебе настроение-то испортило. Да ты не переживай, брат. Сейчас кофе попьем и пойдем куда-нибудь в город, перекусим...

— Угу, — дуось, — перекусим. Время семь часов утра, город — мертвый...

Глеб смеется.

— Это, — говорит, — если не знать, где искать. Те же самые «Хард-рок кафе», к примеру, как раз в семь и открываются. И одно из них, если мне склероз не изменяет, как раз в десяти минутах неспешной ходьбы от нашего отеля. Завтраки там, кстати, вполне приличные — яичница с беконом, фасоль в томатном соусе, сосиски нескольких видов, тосты. Только со спиртным засада. Британия — страна традиций, раньше и позже определенного времени — ни-ни. Но у меня как раз на этот случай фляжечка в кармане притаилась. Небольшая, конечно, но нам с тобой на двоих вполне хватит. Нам же не напиваться, а так — слегка здоровье поправить за завтраком. Ну как, идем?

— Пей кофе скорее! — злюсь. — А то сейчас слюной изойду...

...В «Хард-рок кафе» мне, кстати, и вправду понравилось. Фотографии на стенах, антураж, еда.

Официантки прикольные.

У них даже что-то типа веранды нашлось, чтобы сидеть вроде как на улице, воздухом дышать.

Все-таки — Гайд-парк рядышком.

Можно сказать, — прямо под боком.

Вот туда-то, в смысле, на веранду, мы с Али немедленно и взгромоздились.

Съели по паре сосисок, по яичнице с беконом, выпили по стакану свежевыжатого апельсинового сока.

Сидим, потягиваем по очереди виски из его фляжки, запиваем кофейком, сигаретками дымим, разговариваем.

Хорошо.

— Тебе, гляжу, Лондон понравился? — полуутверждает-полуспрашивает.

— Угу, — отвечаю.

— А что именно понравилось, понять не пробовал?

Задумываюсь на секунду.

— Наверное, пробовал, — говорю честно. — Но все равно так и не понял...

— Это хорошо, — улыбается. И — молчит.

— Чего хорошего-то? — удивляюсь в ответ.

— А то, — смеется, — что своей башкой думать начинаешь.

А не тянешь, типа, «песню акына» — что вижу, то и пою.

Теперь я молчу. Оцениваю.

— Согласен, — признаю. — Кажется, начинаю. А тебе чем Лондон нравится, ты уже решил?

— Решил, — смеется. — Только сформулировать не могу. Это ж ты у нас — будущий шакал пера и волк ротационных машин. Куда уж нам, скромным предпринимателям...

— Угу, — кривлюсь в ответ. — Если я молодой, то, что я, совсем дурак? Думаешь, мне Инга не говорила, кто ты по основной специальности, коллега?

— О как! — кривится уголком губ. — Значит — говорила. Это, признаться, хорошо, что она еще с кем-то обо мне разговаривает. У нас с ней непросто сейчас, парень. Очень непросто. Разберемся, конечно, надеюсь, но пока что-то хреново получается...

— Да? — удивляюсь. — А со стороны — лучше не придумаешь.

— Так то — со стороны, — вздыхает. Отхлебывает из фляжки, передает мне и вынимает из пачки очередную сигарету.

Сколько же он их в день выкуривает, интересно?

Я бы уже, наверное, умер.

— Ну да ладно, — опять вздыхает, глядя, как я прикладываюсь к фляжке. — Наши с ней траблы — это всего лишь наши траблы, нам самим их и решать. Разберемся. А в Лондоне мне больше всего нравятся три вещи: свобода, имперский дух и чувство собственного достоинства. Причем, мне кажется, Данил, все эти три вещи, как бы это сказать, — очень между собой взаимосвязанные...

— Это как это? — интересуюсь.

— Да очень просто, — опять вздыхает в ответ. — У меня вообще что-то в последнее время появляется ощущение, что такие нежные цветы, как свобода и чувство собственного достоинства, только и могут расти, что в тени империи. Пусть даже и бывшей. Такой, к примеру, как Британия. А как только этот самый имперский дух из города выветривается, так сразу куда-то пропадают и свобода, и чувство собственного достоинства. Примеров — как блох на бобике. Взять тот же Париж или Санкт, простите, Петербург, не к ночи будь помянуто это убожество...

Я усмехнулся, припоминая, что неслось с террасы основы во время последних игр с питерской бомжатней.

Прочитировал по памяти.

Угу, забудешь такое...

— «Мы к вам — приедем! Мы вас — отпиздим! Мы в рот ебали! Вонючий Питер!»

Он в ответ только засмеялся, отобрал у меня фляжку, взболтнул, убедившись, что виски еще достаточно, и только после этого сделал солидный, даже по моим меркам, глоток благородного напитка.

— И это, — говорит, — тоже, Дэн. Безусловно. Враги есть враги. Так что приедем мы к ним — обязательно. А ты в курсе, что мы с «зенитчиками» отнюдь не всегда врагами-то были? Отнюдь...

— Да, — жму плечами, — что-то слышал. На секторе болтали, что когда-то чуть ли не в союзниках ходили.

— Не просто «в союзниках», Данил. В единственных союзниках! Только мы и они, представляешь, а вокруг — ничего, кроме ненависти? Они когда из Питера на матч приезжали, мы их по своим квартирам разбирали. А они — нас. Откуда, по тем временам, у нищих-то студентов деньги на гостиницу? У меня, бывало, на полу, вповалку, в однокомнатной клетушке человек по пять-семь ночевало. А потом...

— А что — «потом»? — спрашиваю. Интересно же.

Живая история движения.

— Да хрен его знает, — вздыхает. — Теперь уж и не разберешься, что на самом деле поводом послужило. Вроде как двоих наших парней в Питере положили, вот «Флинты» и накрыли в ответку их моб, ничего толком не подозревающий. Жестко накрыли, чего уж там. По-взрослому. Они по-другому не умеют. А они говорят, — что парней, вроде как, не били, их, типа, какая-то гопота по бытовухе опиздюлила. Гопоты, знаешь, — везде хватает, они, по идее, нести ответственности за всю ленинградскую гопоту не могут. Да не в этом дело: не это бы случилось, так что-нибудь другое, тут дело — не в поводе. Повод — дело десятое. В причине...

— А что причина? — спрашиваю.

Даже про виски забыл и про кофе, давно остывший.

Он усмехается.

— Причина... причина где-то глубже, Данька, я об этом много думал. Меня вот, к примеру, сейчас от Питера — просто тошнит, мне там иногда на физиологическом уровне хуево становится. А по молодости — я его очень любил, очень. Друзей масса. Прыгнешь на поезд, ночь проспишь на верхней полке — и тусоваться. Не одна компания, так другая. Можно без предупреждения. Просто так: здрасьте, это я приехал. Билет — семь рублей плацкарт, десять — купе. По студенческому билету — пятьдесят процентов скидки, так что — сам считай. Но не в этом дело: мне там хорошо было, весь город наизусть знал. А сейчас — плохо. Почему?

— Ну, — спрашиваю, — и почему?

Молчит.

Вздыхает.

— У меня, — говорит, — только одна версия есть. И не факт, что справедливая. Понимаешь, тогда никто — ни мы, москвичи, ни сами питерцы — не сомневались в их личном статусе. Даже в армии Москва и Ленинград всегда по принципу землячества объединялись. И по фигу, где там Политбюро ЦК КПСС заседает, нам-то до них какое дело. Есть они вообще или передохли там все от старости. А вот в начале девяностых в Питере что-то сломалось, и он почему-то

почувствовал себя глубокой, глухой провинцией. Может быть, тот самый имперский дух, о котором мы с тобой говорили, куда-то испарился. Хрен его знает куда. Дух, он дух и есть. Субстанция нематериальная. А следом за ним и чувство собственного достоинства куда-то отправилось. Зато свободы — хоть жопой ешь. Но понимаешь, Дэн, свобода — инструмент тонкий. Для того чтобы им владеть, нужна определенная квалификация. И хотя бы элементарное понимание того, что свобода вашего кулака заканчивается там, где начинается мое лицо. Иначе — вполне возможна обратка, уж не обижайтесь, пожалуйста. И — пошло-поехало. Ненависть к Москве. Зависть. Разделение. И приезжать туда сразу как-то расхотелось. Вроде и камни те же, и дворцы, и фонтаны. Ну, может, слегка пообшарпаннее, но это — такая фигня. А — все. Все не такое. Неправильное...

— Так, думаешь, — наклоняюсь вперед, — здесь не только в футболе дело?

Он усмехается.

— Футбол, околфутбол, Данька, — это все только следствия. Мы как-то с Ингой решили по сельской Англии на машине прокатиться, очень уж ей все это интересно было. Ну, приехали в Уэльс, остановились в сельской гостиничке между Ньюпортом и Кардиффом. Инга сразу же спать завалилась, намаялась машину вести — ты же знаешь, если есть такая возможность, она вообще никого за руль не пустит. А я решил пивка попить в сельском пабе. Есть у них там, в Уэльсе, один сорт, «Ред Дрэгон», давно попробовать хотелось. Пришел, попробовал — понравилось, разумеется. Сижу, кайфую. А за соседним столиком — дедок местный тоже в одиночестве. Туристов нет, не сезон. Ну и разговорились. Кто, что, откуда? Ну и выясняется, что он уже почти полвека за «Кардифф» фанатеет, ты знаешь наверняка эту команду, в первой лиге у них сейчас бьется. Хулиганские mobs — едва ли не самые свирепые по всей Британии. Так вот. — «Как, — спрашиваю, — отец, околфутбол-то у вас есть до сих пор? Ну, в смысле, — дерутся?» — «О-го-го, отвечает, — еще как дерутся! В городе

езде камер видеонаблюдения повешали, так они по паркам забиваются, по пустырям, еще где-нибудь. И — месятся, как с цепи посрывавшиеся». — «А что, — спрашиваю, — кто главные враги-то у вас?» А про себя думаю — ну наверняка, «Миллуол». Два таких моба в одной лиге! Угу. Шаззз. Называет какую-то местную пердяевку, из деревни по соседству, я о ней и слышать-то не слыхивал. Ничего не понимаю. «И давно это у вас, — спрашиваю, — началось? Ну, вражда с ними, в смысле». И, знаешь, Дэн, что он мне отвечает?

— Что?

— «Да хрен его знает, — говорит, — парень, когда это началось. Но вот футбол тогда еще — точно не придумали...»
Задумываюсь.

Осмысливаю.

— Значит, — интересуюсь, — так думаешь?

Он в ответ только усмехается, криво и не по-доброму:

— Я не «думаю», Дэн. Все гораздо хуже. Я — знаю...

Молчим, курим. Я вздыхаю.

— А вот мне, — говорю, — Питер нравится. И я думал, что вражда — это только на клубном, ну, на футбольном уровне. А так — хороший город, красивый. Что, серьезно, все так далеко зашло?

Он кивает.

— Очень далеко, Данька. У них уже некоторые профессора в местном универе даже начали под все это хозяйство идеологическую базу подводить. Правда, не коренная питерская профессура, конечно. Те для такой байды — слишком брезгливы, в хорошем смысле этого слова. Лузеры, неудачники из еще более глубоких пердяевок, слетающиеся сейчас в Питер, как мухи на говно. Или, что еще хуже, — на труп бывшего имперского центра. Типа, Москва — это не Россия и никогда ею не была. И москвичи — никогда русскими не были, а были — москочитами, москалями, угнетателями братских народов: русского, белорусского и украинского. И вообще, «русский» — слово плохое, потому как все народы обозначаются именами существительными, а «русский» — имя

прилагательное. И хорошо бы — эту Москву ликвидировать, заодно со всею империей, а само слово «русский» заменить на какое-нибудь другое. Например, поляки очень хорошее слово для русских используют — «русин». Ну и исходя из этого — Питер и запад России необходимо направить в Европу, потому как населены они не москалями, а русинами, то есть настоящими европейцами. Сибирь — отдать «ограбленным» сибирякам вместе с газом, нефтью и прочими недрами. А москали — пусть подышают в бессильной ярости и нищете, проклятые угнетатели...

— Они что, — икаю от удивления, — совсем, что ли, охуели? Ты не придумываешь? А то как-то — слишком на фантастику смахивает. Причем, херовую. Хотя слово «русин» — красивое, мне нравится...

Смеется.

— Я тебе, если не противно, могу их книжки дать почитать. Немалыми, кстати, тиражами изданные. Узнать бы еще, блядь, на чьи деньги...

Киваю головой, морщусь:

— А ты-то, Глеб, на хер себе голову этим говном забиваешь? Что, делать больше нечего?

Он опять усмехается.

— Ты что, — говорит, — так и не понял, Данька? Они — не говно. Они — враги. Да, пока мелкие, «шавочные». Да, они не делают погоды нигде, даже в том же Питере. Но даже таких — надо знать... гкхм... не могу сказать, что в лицо... лицом это образование назвать затруднительно... Но все равно — надо. Хотя бы для того, чтобы понимать, что это за хуера такая за пятки прикусывает...

Делает глоток виски, аккуратно, под столом, передает мне фляжку.

Под столом — это потому что смешливая официантка в это время несет нам очередные стаканы свежесжатого сока и черного как смоль горячего кофе-эспрессо. И в этот самый момент у меня неожиданно звонит телефон.

Кому это я, интересно, в такую рань понадобился?

Поднимаю трубку.

Лида.

— Привет, — говорит, — Данька! А у нас — одну пару отменили, а вторую я и прогулять могу. Хочешь, встретимся? Я смотрю на Али, тот улыбается и машет рукой.

Типа, — все слышал.

Давай, парень, рви когти.

Потом договорим.

— Конечно, хочу! — радуюсь. — Скажи только, куда подъезжать!

— А ты где сейчас? — спрашивает.

— Я? В «Хард-рок кафе» завтракаю, у Гайд-парка.

— О! — радуется. — Тогда и не надо никуда подъезжать, просто подходи к центральному входу, я там через минут двадцать буду, погуляем.

— Уже, — глупо улыбаюсь в телефонную трубку. — Уже лечу!

Убегая, я заметил, что Али подзывает официантку, видимо, чтобы заказать еще одну чашечку кофе.

Сколько же он их пить-то может?

Сгорит ведь на фиг.

Не хотелось бы...

Жалко его просто.

И его, и Ингу.

Она его все равно любит, что бы он там не думал и не говорил про их «непростые отношения».

Уж я-то это — точно знаю.

А кому еще об этом знать, если не мне?

...На следующий день я опять проснулся в семь утра, но это уже было не самопроизвольное радостное желание, а элементарная жесткая необходимость. Автобус в Ливерпуль отходил от отеля в самом начале десятого.

Жесть, однако.

Мне-то еще — ничего, я уже в час ночи благополучно спал, причем — почти трезвый.

А вот остальным...

Смотреть на эти рожи, с непосильным трудом погружающиеся в мягкое нутро автобуса, было, скажем так, — весьма жалостливо.

Ну, думаю, — это ненадолго.

Еще бы.

Почти у каждого в сумке чего-нибудь да звякало...

Али с Гарри, Стакановым, Егором и примкнувшим к ним топовым хулиганьем начали лечение еще до приезда автобуса, прямо в холле гостиницы.

Пивком.

Когда я подошел поздороваться, мне тоже тут же сунули бутылочку.

Видно, как «своему».

Взял, разумеется, хотя мне, в общем-то, и не требовалось.

Зато над страдающим Степашкой — поглумились всласть, с оттяжкой. Рассказывали и какое вкусное пиво, и какое холодное, и как оно льется по пищеводу, и как проясняет голову.

Все ждали, когда же попросит.

Не-а.

Кремень.

Пришлось угощать так, без предварительных условий...

Степа бутылку взял в руки с достоинством, но выпил все-таки одним глотком, не отрываясь.

Тут же дали следующую.

Уж больно прикольно было наблюдать за простым человеческим счастьем...

Наконец Толя отдышался.

— Слышь, — говорит, — Степы, — ты, ты и ты! И еще — ты!!! Я же, блин, — в долгу не останусь, запомните! У меня в сумке — четыре литровых «Гжелки» с Москвы припрятаны! Кремень! Ну как четыре... пять, конечно... одну заначить хотел... не для себя, для вас же волков... хотя... правильно, что не заначил... а то — было семь, хотел шесть взять... вчера... блин, не удержался...

Народ ухохотался.....

Мне, кстати, именно со Степашей в автобусе сидеть выпало. Ничего страшного, даже совсем наоборот.

Хозяйственный мужик, чего уж там.

Он, оказывается, кроме водки еще и хлебушка черного с самой Москвы заначил, и сало с горчицей, и огурчиков баночку.

— Не первый раз, — говорит, — на выезд еду. Вон Али, зараза, знает, не случайно место по соседству всегда отхватывает. Ну как по соседству. В соседнем ряду. А то, слышь, Степа, я, когда выпью, так иногда становлюсь уж очень заебистым. Хотя ты уже привык. Правда, Али?

— Угу, — отвечает Али, зажевывая очередной стопарик Степашинной водки кусочком черного хлеба с ломтиком сала. — Но люблю я тебя не за это, совесть ты моя вечно пьяная...

Я с наслаждением выпил водки с мужиками, сходил в задние ряды — потихоньку покурить в приоткрытое окошко (чтоб водила не заметил курящих, там парни специально хитрым образом флаги развесили, да и курили аккуратно, по одному). После чего устроился поудобнее и стал смотреть на проносящуюся мимо окон автобуса сельскую Англию.

Она оказалась именно такой, какой я ее себе и представлял. То есть — скучной.

Я полюбовался на нее еще с полчасика, повертелся еще немного в кресле, повспоминал вчерашние прогулки с Лидой, помечтал, опрокинул предложенный стопарик, откинул голову на подголовник и уснул.

Проснулся уже в Ливерпуле от вполне себе ощутимых толчков уже солидно набравшегося Толика.

— Слышь, Степа, — говорит, — какой-то ты хлипкий мне попался, как я погляжу. Вставай, блин, приехали уже на родину «Биттлз» и современного футбольного фанатизма, не к ночи он будь помянут, блин, на фиг. Время пивком подзаправиться, пожрать слегонца, да на стадию...

Я потянулся и посмотрел в автобусное окно.

Бас заруливал на стоянку.

Над кирпичным промышленным и мрачным Ливерпулем, то затихая, то опять усиливаясь, шел мелкий противный дождь.

В этом городе вообще все было плохо.

Все.

Без исключения.

И не стихающее, пробивающее «непромокаемую» ткань ветровки холодное сито дождя.

И не смолкающее, радостное и слаженное пение скузеров на «Энфилде», начисто перепевших и переоравших наш «гостевой» сектор.

И пиво в пабе.

И еда в ресторане.

И не лезущая уже в горло Степашина водка.

И издевательские аплодисменты скузеров нашей террасе на выходе со стадиона.

И — самое главное — страшные, позорные «5:0», издевательски сверкающие сквозь плотную стену льющейся с неба воды, — на электронных табло легендарного стадиона «Энфилд Роуд». И — начисто втоптанная, закатанная отлаженным ливерпульским катком в зеленый, идеально ровный газон честь великой команды.

Я плакал.

Мне было дико стыдно, — но я плакал.

Молча.

А потом оглянулся вокруг — посмотреть, не заметил ли кто моего позора, и вдруг увидел, что я — не один такой. Прямо надо мной на террасе стоял один из тех людей, чей авторитет в «мясном» хулиганстве абсолютно непререкаем.

По крайней мере, для таких, как я — абсолютно точно.

Он заметил, что я смотрю на него и криво, болезненно усмехнулся:

— Не обращай внимания, парень. Это дождь. Это всего лишь дождь...

Глава 3

Межсезонье

Больше в этом году на выезды я не катался.

И опустошение было дикое после «Энфилда», и денег надо было на следующий год подкопить.

Ну и постараться «хвосты» в универе подчистить так, чтобы на следующий год поменьше напрягаться в этом плане.

Да и в зачет «золотого выезда» путешествия этого года пойти никак не могли, — что тоже свою роль сыграло, если честно..

Он, «золотой», «по году» считается.

Нет, были, конечно, вялые мысли пробить Валенсию, куда усиленно звал Гарри, или Волгоград, в котором мы все-таки оформили бронзу.

Но быстро проходили.

И дел до черта, и игра команды что-то не радует.

Я учился, крутился в поисках денег, ходил на стадион, свято соблюдая требование Гарри избегать силовых акций, переписывался и перезванивался с Лидой.

Ну и время от времени, если была такая возможность, — общался с Гарри, Али и другими парнями, с которыми познакомился на выезде.

Особенно мне была интересна компания Гарри и Глеба, разумеется.

И пообщаться, и потусить, и подучиться кой чему у них мне бы совсем не помешало.

Да и жгли они так, — при случае, разумеется, — что мои ровесники скромно курили в сторонке.

Первая, блин, лига.

Если не вторая...

Ну и, — это если уж совсем честно, — то уже сам по себе факт общения с этими людьми прилично добавлял мне авторитета в моей, скажем так, повседневной компании. Там, поглядев на все эти дела со стороны, меня все чаще стали подтягивать для решения каких-то внутренних вопросов, проблем, просили рассудить, если шли какие-то междусобойные косяки.

Вообще-то — мне это нравилось.

А кому не понравится, если душой не кривить?

Только тем, кому этого авторитета не видать, как своих ушей на прыщавой таблице.

Ну и прочим апездолам.

Правда, помимо приятной стороны «почета и уважения», все это хозяйство несло в себе еще и вполне приличную кучу весьма качественных геморроев.

За все, увы, надо платить.

Причем — по полной программе.

Причем — не когда-нибудь завтра, а здесь и сейчас.

Такая вот нехитрая философия...

Словом, к общению с этими людьми я — стремился.

Но — не злоупотреблял.

Если с такими парнями станешь чересчур назойливым — враз сострунят. Вот и старался: держаться поблизости, но ни в коем случае не надоедать.

Вроде как — получалось.

Так все и продолжалось, ровным счетом до девятого ноября, до «снежного дерби» с конями.

Я в тот день крепко приболел: еще с вечера слег с высокой температурой и на стадион пойти не смог, наблюдая, в результате, этот позор российского футбола по телевизору.

Было, блин, на что посмотреть.

Угу.

Нормальный пример «честной игры» для подрастающего поколения, ничего не скажешь...

А Гарри с парнями еще к тому же — вечером после игры под раздачу попали.

Под ментовскую.

Есть там, в курирующем фанатские дела спецуправлении МВД, такой майор, ярый фанат конюшни, чего не только не скрывает, но всячески всегда выпячивает. По всем конским праздникам для него, для суки серой, специальный «виповский» стол накрывают. Так вот, нет для этой мрази, для этого взбесившегося от собственного величия быдла большей радости, чем «при исполнении» по каким-нибудь мясным щцам как следует приложиться.

И ничего ты с этим дерьмом в ответ не сделаешь, он же в форме.

В клетку-то никому не хочется лет на несколько загреметь, как бы парни ни храбрились.

А тут еще и Али со своими «корочками» помощника-кого-то-там, не раз парней выручавшими, в командировку усвистал.

Вот майор и разошелся.

Нет, никого не убил, разумеется.

И — даже не покалечил.

Но унизил прилично.

И в результате семнадцатого числа вместо стадиона мы собрались в пабе: посмотреть там по телику ничего не значащий матч с лужниковским «Торпедо» и заодно — обсудить, как нам жить дальше.

Кстати, — так ничего и не решили.

Единственное более-менее рациональное предложение, исходившее, если мне память не изменяет, от Олигарха и Мосфильмовского, — снять побои и пустить дело на майора «по инстанции» — было напрочь отмечено из-за вопиющего отсутствия желающих быть «потерпевшими».

Как правильно кто-то из парней сказал: «И запахло, и па-лево, и не факт, что работает».

Причем, отказался от этой темы и сам Мосфильмовский, а ведь ему тоже в тот раз от подручных майора весьма не-кисло досталось.

Вот так вот и просидели весь вечер, злясь и на весь мир, и друг на друга.

Но больше всего, естественно, — на конявых...

Да еще и мясо слило педовцам 0:1.

Хоть и в равной, хоть и в никому не нужной игре — ни вверх, ни вниз в турнирной таблице двинуться мы уже не могли, вне зависимости от результата.

А все равно — проигрывать неприятно.

К тому же в последнем туре...

Теперь некоторым, у кого бабла лишнего до фига, оставалось только съездить в пустую «турпоездку» в Валенсию, и — здравствуй, межсезонье.

Но расходиться после матча все рано не хотелось, и мы вчетвером: Гарри, Али, Деш и я — ломанулись в клубешник на Пушкинскую — пообщаться, да и зажечь, как следует, если получится.

Не получилось.

Увы.

Слишком настроение было кислое.

Деш вообще скоро свалил, сославшись на какие-то застрашные неотложные семейные дела, а мы плавно переехали в близлежащую кофейню — потрепаться немного за жизнь, да и разойтись, каждый в свою сторону.

Гарри заказал на всех по чайнику хорошего черного чая и по двойной порции вискарика.

Типа, — «отвальную» за Валенсию проставил, он из нас троих один туда собирался.

У Али — дела, мне — просто не до этого.

Да и Гарри туда скорее винчика вкусного попить собрался да на город посмотреть, а не команду поддерживать.

Ну если только — так, заодно.

Нечего там поддерживать, если честно.

Та-а-ак обосрались...

Нет, я все понимаю: и команда молодая, и Егор не в порядке, и Сычев иудой оказался, но — нас-то так за что?

Мы-то, фанаты, — в чем виновны?

Мало ездили, мало дрались за честь клуба, мало глотки за команду на террасе рвали?

За что?!

Нуда и хрен с ними со всеми...

Сейчас уже — позднйак метаться, может на следующий сезон что замутят реальное. Там всего-то пару-тройку позиций усилить надо да Романцева подшить, а то пьет, говорят, больше положенного.

Посмотрим...

А пока — все, аллес.

Сезон закончен.

Вот и сидим в кофейне, кайфуем, виски пьем, чайком балуемся, но уже — даже и говорить-то особо не о чем.

Тут-то мне Али свое предложение и озвучил.

Непростое, конечно, но — один хрен, приятно, когда о твоих траблах кто-то еще, кроме тебя самого, задумывается.

— Ты, — спрашивает, — вроде говорил, что на журфаке учишься?

— Угу, — отвечаю, настораживаясь.

Будто он сам не помнит.

А когда Али вот так вот издалека подъезжает — жди второго слоя под каждым невинным вопросом.

А то и третьего.

Непростой человек Али.

Ой непростой.

— И как учеба? — интересуется.

Жму плечами неопределенно, а сам усиленно в голове масло гоняю, типа: что ему, бля, может от меня понадобится-то?

— Да я не об этом, — морщится, соображая, что я напрягаюсь. — Время-то свободное остается?

— Да есть немного, — опять жму плечами. — Не было бы, с вами бы тут не сидел, чего непонятного...

— Вот и ладненько, — кивает. — А то я тут думал, чем тебе с «золотым выездом» помочь, не деньгами же. И неправильно их предлагать, и сам не возьмешь. «Золотой» нужно самому мутить, своим трудом, исключительно.

Киваю.

Это так.

Это Али очень хорошо понимает, у него у самого два или три «золотых» пробито, давно уже, правда.

Но — какая разница когда.

Главное — они есть, и вся недолга...

Значит, понимает.

— И, — чешет переносицу, — появилась тут у меня мыслешка одна. Вроде — вменяемая. Ты говорил, тебя на журфак потому и понесло, что сочинения писать нравилось, так?

— Так, — соглашаюсь.

Он кивает.

То ли моим словам, то ли каким своим мыслям.

Непонятно.

— Из всех наших «золотой» в этом году будет пробивать только Мосфильмовский, но у него и без тебя забот выше крыши...

И — опять соглашаюсь.

Мосфильмовский — фанат по образу жизни, на нем — вся инфа в Интернете, организаторские дела, общение с командой — его игроки воспринимают.

Короче, если на него еще и меня «повесят» в виде общественной нагрузки — это вообще вилы.

Да и к тому же он немного «лицом движа» работает, а «лицу» палиться на связях с хулиганьем слишком сильно не стоит.

Мало ли чего.

Согласен.

— Поэтому, — говорит, — тут вот какое дело. Ты ведь знаешь, каким я бизнесом занимаюсь?

— Знаю, — киваю, — что-то с издательскими делами связанное.

— Ну, — морщится, — не совсем, конечно, с издательскими. Скорее — с медийными. Но связей в разных СМИ, в общем, хватает. Так что могу поговорить с людьми, тебе оформят редакционные «корки». В штат при этом, разумеется, никто тебя зачислять не будет, будешь числиться внештатником. Но «корки» будут — вполне реальные, спецкоровские. Как тебе идея?

— Идея, — задумываюсь, — вроде как неплохая. И от ментов отмаз, если чего. Тра-та-та, «редакционное задание», все дела. Должен погрузиться, извините, иначе не получается. Красиво. Вот только один меня вопрос мучит, Глеб Георгиевич. Точнее, — вру. Два. Первый — на фига это тебе самому-то надо? И второй — что я должен буду для редакции делать, ведь — буду, да? А то что-то беспокойно мне. Слишком много сказок про бесплатный сыр слышал, видимо...

Али усмехается.

— Значит, — не веришь никому? Даже нам с Гарри? Похвально. Вернее, это, конечно, не очень хорошо, но пока жизненного опыта не хватает, — лучше уж так, чем потом каждый раз плакать, обжегшись...

Допивает свой виски, подзывает взглядом официантку:

— Еще три двойных, пожалуйста.

И лезет в пачку за сигаретой.

Гарри молчит.

Что ж, тогда и я — подожду, послушаю.

— Но в этот раз, — говорит, выдыхая первые клубы дыма, — насчет меня и, кстати, насчет Игоря — все чисто. Просто хочется помочь. Ну, может быть, если потом когда-нибудь поднимешься и так сложатся обстоятельства, — поможешь уже ты. В свою очередь. Но это — очень уж «дальняя» схема, смысла ее обсуждать вообще нет ни малейшего. Во-первых, слишком много «если» и «когда». А во-вторых, — ты и так придешь, если мы позовем. Иначе бы мы с тобой тут не разговаривали...

Затягивается еще раз и гасит сигарету в пепельнице.

— А вот в редакции, естественно, «захотят», тут ты прав. Каких-то материалов, какой-то информации. Не бесплатно, разумеется, хотя гонорары на том уровне, на котором ты придешь, — это совсем копейки. Вот если выезд как командировку сумеешь хотя бы пару раз за сезон оформить — это, конечно, удача. По принципу экономии, только не маши руками. Я их даже «подавить», если что, чуть смогу, наверное. Ну а что писать можно, а что нельзя — ты и сам знаешь. Все-таки

не мальчик с улицы, а боец из фестлайна, не вчера на свет родился.

Задумываюсь.

— А что за издания? — спрашиваю.

Али жмет плечами.

— Еще не знаю, — говорит. — Не спортивные, это точно. Своих людей у меня там нет, да и фанаты, как класс, их меньше всего интересуют. Может — мужские какие, может — молодежные. Или обычные, новостные. Какие-нибудь, не из первого ряда, ты там, извини, старик, — и на фиг не нужен, своих вьетса, хоть отбавляй. Но и чтоб на слуху, иначе смысла в ксиве редакционной вообще никакого нет. Подумать надо. Время пока есть. Тут, самое главное, — это твое решение: надо это тебе или как...

— Поня-а-атно-о-о, — тяну время, украдкой поглядывая на Гарри.

Он-то что молчит, как воды в рот набрал?

А давай-ка я у него об этом впрямую спрошу!

А что?!

Топ-бой он или не топ-бой?

С кем мне еще советоваться-то?

— Игорь, — спрашиваю, — а ты что по этому поводу думаешь?

Он аж чуть виски не подавился, который в тот момент прихлебывал.

— Я... а... — говорит, — это... думаю, что нормально... а что?

— Да нет, ничего, — удивляюсь.

Гарри, наконец, собирается.

— Просто не понял, что от меня требуется, — говорит.

Делает еще глоток виски, крутит башкой удивленно.

Затягивается сигаретой.

— Тьфу ты, — усмехается, — что-то совсем о чем-то своем задумался. А так — нормальная тема.

— Лично я здесь подлянок не вижу, — добавляет решительно.

Что-то, думаю, — ты здесь темнишь, вожак.
Ну да ладно.
После разберемся.
А пока — наши интересы вполне совпадают.
Я же, думаю, в конце концов, даже если и подпишусь на эту историю, — никому ничего обещать не собираюсь.
Или — собираюсь?
Уже самым фактом своего согласия?
Типа, — вот те рыбка червячок, а под ним укрыт крючок?
...Надо будет поразмышлять на досуге...
Но не сейчас.
Сейчас — пора соглашаться.
— Знаешь, — говорю, — Али. Тема интересная. Если можешь с этим — буду обязан. Реально.
Он удовлетворенно кивает...
Где я все-таки подставился-то, а?
Не в том дело, что неправильное решение принял.
Решение — по-любому правильное.
Просто интересно...
...Первое предложение от Али я получил в начале декабря. Какой-то молодежный журнал, вроде как цветной и популярный, интересовался футбольной и околофутбольной тематикой.
Али мне вечером по этому поводу позвонил:
— Съезди, пообщайся завтра, — говорит.
Но голос какой-то не сильно уверенный.
Я ему так прямо и сказал.
Он вздохнул.
— Сам завтра увидишь. Вроде и тематика у издания нормальная, и редактор профессиональный, и вопрос им этот интересен, как, в принципе, любая молодежная альтернатива, и денег хватает. Но...
— Что «но»? — спрашиваю.
— Да так, — усмехается, — нет, брат Дэн, в этом мире совершенства...
— Ну если так, — усмехаюсь в ответ, — то завтра съезжу, посмотрю.

...В любой редакции, в принципе, бывает шумно.

В этой — был пиздец.

Какие-то девушки с огромными накладными ресницами в платьях «имени бабушки, идущей в первый класс» с белыми передничками и в грубых ботинках от «доктор Мартинс».

Юноши с жизнерадостными радикально-зелеными ирокезами.

Жеманные молодые люди в декоративных кожаных косухах на голое тело с подведенными черным цветом глазами.

Хиппующие, волосатые и явно давно немытые мужики в курилках...

И дамы с ними.

Гкхм.

Соответствующие.

Весело.

Я здесь в своих модных, дорогих и нарочито не бросающихся в глаза шмотках, с аккуратной короткой стрижкой, под бейсболкой с натянутым на самый нос длинным сломанным козырьком — выглядел как минимум марсианином.

Или даже — нет.

Аккуратно переступающим на мягких лапах, настороженным в своем одиночестве, пугающимся людского гама степным волком...

Послonyaлся немного по коридорам, послушал разговоры и вышел из здания, так и не зайдя в указанный Али кабинет.

Звоню ему по телефону, соплю в трубку.

— Это ты, что ли? — интересуется.

Ага.

Будто он на определитель сначала не смотрит, прежде чем трубу взять. Миллион раз наблюдал.

— Я, — отвечаю.

— Ну и как? — спрашивает.

— Ты, — говорю, — прав, Глеб. Нет в этом мире совершенства.

— Понятно, — усмехается. — Я почему-то так и думал. Но почему бы и не попробовать. Ладно, жди. Если еще какой вариант нарисуеться — сообщу...

...Следующий его звонок был совсем другим.
Я как раз на лекции в универе сидел, сессия скоро.
— Привет, — выдыхает. — Говорить можешь?
— Ну, — отвечаю, — с трудом. На лекции сижу...
— Тогда, — командует, — коротко. И можешь не отвечать, чтобы не отвлекать трудолюбивое студенчество. Сейчас бери ручку и бумажку, пишешь один телефон. Потом под любым предлогом оттуда, с этой своей лекции, сваливаешь. Звонишь по этому телефону, прыгаешь в свою тачку и валишь вверх по Тверской. Человека зовут Игорь, он редактор отдела информации. Пропуск на твое имя уже заказан, так что не тяни, он человек занятой. «Корочки» его редакции для тебя — что-то типа депутатской неприкосновенности. Честь менты, конечно, отдавать не будут, нет у них никакой чести, но и в обезьянник запирать поостерегутся по-любому. Но — не злоупотребляй, понял? А если понял, тогда — давай, действуй...

И — произносит название газеты. После чего я понимаю, что он — прав. Охранная грамота.

Нет, это, разумеется, не «ФайненшлТаймс».

И — даже не «Гардиан».

Обычная российская желтая пресса, можно даже сказать, — таблоид.

Правда, с нереальным тиражом и авторитетным еще с мохнатых советских времен брендом.

— Еду, — говорю, — прямо сейчас. Немедленно. Давай, диктуй телефон и адрес редакции...

— Пиши, — усмехается. — Я ему тогда сейчас еще раз на всякий случай прозвонюсь...

...А вот эта редакция была уже совершенно другой.

Длинные, узкие и обшарпанные коридоры.

И — кабинеты, кабинеты, кабинеты.

Если по этим коридорам кто и передвигался, то исключительно бегом, как в армии. Один раз, кстати, мимо меня промчалась на совершенно нереальной скорости такой удивительной красоты девица с тяжеленными папками под

мышкой, что я сначала даже присвистнул, а потом обернулся и еще долго смотрел вслед обтянутой узкими джинсами попке.

Ну ни фига себе, думаю, какие в этом заповеднике звери имеются.

А все-таки — нравится мне здесь или не нравится?

Не знаю.

Не понял еще, наверное.

Нужный мне кабинет нашелся в самом конце коридора. На двери был приколот листок с написанным от руки текстом.

«Если ты уверен, что тебе сюда — стучи. Нет — иди на хуй».

Оригинальненько, ничего не скажешь.

Я постучался.

— Да, — говорят из-за двери. — Входите.

Войду, чего уж там.

Вот раз, и — вошел.

— Здравствуйте, — говорю. — Я от Глеба. Тот самый...

— Ну тогда присаживайся, тот самый, — отвечает сидящий за единственным столом в кабинете мужик. — Не мельтеши.

Я присел.

Сидим, смотрим друг на друга.

Странный мужик, кстати.

Неопределенного цвета мятый трикотажный свитер, такого же неопределенного цвета волосы.

И возраст тоже ни фига не поймешь: то ли тридцать, то ли все пятьдесят.

Редкие крупные зубы, очки с сильными диоптриями, за ними маленькие, острые, злые кабаньи глазки.

Тот еще тип, короче.

Наконец, он не выдержал.

— Нда, — говорит. — Вроде, по внешнему виду, вполне приличный парень. Лицо хорошее. И со стержнем. И за каким хером ты только сюда приперся? Спокойная жизнь надоела? Ну ладно, рассказывай, что умеешь.

— А ничего, — отвечаю честно, — не умею. На третьем курсе учусь, на журфаке. Но это не в счет.

— Ответ, — хмыкает, — засчитывается за правильный. Ну тогда просто расскажи, только предельно честно, зачем Глеб тебя сюда прислал. А я — сравню. С его версией — это раз, со своими впечатлениями — это два.

Нормально, блин.

Но, что делать, — пожал плечами и начал рассказывать.

Он дослушал до конца, потом крикнул.

— Совпадает, — говорит. — Все совпадает. Не могу только понять, хорошо это или плохо. Глебушка, я гляжу, в людях пока разбираться еще не научился. Понять бы еще, какую игру он тобою сыграть хочет. И мною, старым дураком, заодно. Ну да ладно, со временем все встанет на свои места. Куришь?

Утвердительно мотаю башкой вверх-вниз.

— Ну тогда, — разрешает, — кури. И я с тобой. Только учти, вообще-то курить у нас в редакции запрещено. В смысле — в кабинетах запрещено. Главный сам бросил, вот и долбанулся на правильном образе жизни. Поэтому курю здесь — только я. Ну и те, кому я разрешу. Почему, понимаешь?

— Потому что вас нечем заменить, — говорю утвердительно.

Он кивает.

— Умный мальчик. Ладно, ксиву я тебе сделаю. Штатного сотрудника. Даже зарплату будешь получать, как корреспондент отдела информации. Правда, — совершенные копейки, один раз девочку в кафе сводить не хватит. Ну так ты и не за деньгами сюда пришел. Теперь — что нужно от тебя. От тебя нужна любая, подчеркиваю, — любая информация, которая может представлять интерес для газеты. Основная специфика, естественно, — ваши фанатские дела. Петардой выбило глаз менту — интересно. Милиция избилла малолетнего фаната — сюда. Пьяные болельщики трахнули восьмидесятилетнюю старушку — тем более. Да. Еще. В стукачи тебя не вербую, если считаешь, что информация закрытая, не сообщай. Или, еще лучше, — сообщай, но говори, что информация — закрытая, тогда дальше меня она не уйдет. Но и остальное — тоже не пропускай. В смысле, если увидишь что-то интересное, но с вашей футбольной спецификой не связанное. Ценность информации

определяю только я. Я, а не ты, понятно? Если к тому же еще сумеешь два предложения на бумаге свести вместе — вообще хорошо. Гонорары у нас не очень высокие, но платят исправно. Да и командировки, о чем Глеб отдельно просил, смогу тебе оформлять. Только не надо ничего фантазировать, мы хоть и желтая пресса, но минимальная этика у нас есть, понятно?

Киваю...

— Да, и еще...

— Аккредитацию от газеты я тебе сделаю, как бы отдел спорта при этом не вонял. Но пользоваться ты ею не будешь. Или — в самом крайнем случае. Потому что мне нужен взгляд изнутри, а не из ложи прессы...

Снова киваю.

— Дальше — все зависит только от тебя. Согласен?

...Я опять кивнул.

Он мне понравился...

— Вот и хорошо, — вздыхает. — Приходи перед Новым годом, заведем на тебя трудовую книжку, все оформим, как положено. Писать как будешь, под псевдонимом, наверняка?

— С сектора и по околофутболу, — киваю, — только под псевдонимом. А так, если что интересное попадет, — могу и под своей фамилией.

— Разумно, — кивает. — Денег в нашей помойке хрен заработаешь, но имя, какое-никакое, приобрести можно еще пока. Вполне. Водку пьешь?

Жму неопределенно плечами.

А кто же ее не пьет?

— Тогда закрой дверь на ключ.

Да, думаю, — не проблема.

Когда вернулся — на столе уже два пластиковых стаканчика.

А на закуску он яблоко разломил.

Угу, блин.

Он меня что, проверяет?

Идиот.

Его б на выезд какой, не очень дальний, в сидячем фанатском вагоне как-нибудь выписать.

Да чтобы состав... гкхм... помолодежней.

Выпили.

— Ладно, — говорит, — все будет нормально, беги. Телефон у тебя мой есть, через неделю звони, начнем оформляться. Если не сможешь дозвониться, звони Глебу, он меня разыщет. И еще. Постарайся быть с ним поосторожнее...

— С кем «с ним»? — уточняю.

— С Глебом, разумеется, — говорит он чуть раздраженно.

— А почему? — включаю дурака я.

— Потому что он — волк. Старый, хитрый, битый жизнью волчара, который ничего в этой жизни не делает просто так, понял?

Хмыкаю.

Закуриваю сигарету, разгоняя ладошкой дым.

На этот раз уже — безо всякого его разрешения.

Один раз разрешил, достаточно.

Он хмыкает в ответ, внимательно наблюдая за моими действиями.

— Да, — признается наконец, — недооценил. Глебушка действительно в людях по-прежнему хорошо разбирается. А я, кажется, старею. Ты с ним одной породы. И даже уже не волчонок. Интересно будет за вами понаблюдать лет через несколько. Где только вот вас производят, на каком конвейере...

— А на террасе, — ухмыляюсь. — В смысле, на фанатском секторе. А мне вопрос можно задать?

— Валяй, — усмехается.

— Вы Глеба за что-то ненавидите, верно?

Он хохочет.

Наконец снимает очки и утирает выступившие от хохота слезы.

— Я, — смеется, — Глебушку не ненавижу. Я его очень люблю, это один из моих лучших друзей. Но это вовсе не значит, что у меня есть по отношению к этому персонажу хоть какие-нибудь иллюзии...

— А еще один вопрос можно? — говорю.

— Давай, валяй, — смеется. — Предыдущим ты меня здорово позабавил.

— Вот вы говорите: он волк, я — волчонок. А кто тогда вы?

— Я? — он вздыхает. — Я — обычный старый газетный хорек, ничего более...

Я несколько секунд вглядываюсь в его слегка одутловатое лицо, в его маленькие злые глаза за толстыми диоптриями.

— Вы, — говорю, — врете, Игорь. Вы — никакой не хорек. Вы точно такой же волк, как и Глеб, только лучше него маскируетесь. И еще — у вас, похоже, разные охотничьи территории...

Он неожиданно резко перегибается через стол и пристально смотрит мне в глаза.

— Слушай, — говорит, — парень. Тебя Данила зовут, так?

— Так, — соглашаюсь.

— Так вот, — говорит, — Данила. Если вдруг выяснится, что ты еще и умеешь писать, то за свою карьеру можешь быть совершенно спокоен. Потому что по всем ступенькам карьерной лестницы я проведу тебя лично. И еще буду очень внимательно присматривать, чтобы ты, не дай Бог, не споткнулся. Это — в моих силах, отвечаю.

— Еще бы, — хмыкаю, — я уже понял, кто у вас тут все решает. Не удивлюсь, что если и за главного редактора...

Он опять усмехается.

— Ладно, — говорит, — давай еще по стаканчику и проваливай. Мне еще сегодня работать надо.

Что мы и делаем.

Но уже в дверях он меня неожиданно окликает.

— Постой!

Я останавливаюсь.

— Ты только одну ошибку, — говорит спокойно, — совершил, Даня, в своих логических построениях. Она несущественна для наших с тобой отношений, иначе бы ты уже вылетел отсюда с пинком под зад и никогда бы тут больше не нарисовался. Но — существенна для твоего миропонимания. У нас с Глебом — не разные охотничьи территории, тут

ты ошибся, и здорово. А может, и — просто забыл, что волки обычно охотятся не по одиночке, а именно стаями...

Я, помню, еще долго стоял у двери и шумно глотал воздух.

А он уже совершенно про меня забыл и увлеченно шуршал своими бумагами.

А может и делал вид, что забыл, но уж очень это у него здорово получалось.

Я вышел, аккуратно прикрыв дверь, чтобы не беспокоить и не отвлекать реально занятого человека.

Нда, думаю.

А ведь я еще и вправду «волчонок».

Или как там еще волчат в народе называют?

Кажется, — «щенок»?

...Первую свою статью в газете я опубликовал, кстати, сразу после рождественских каникул.

Ну как — статью...

Через два дома от нас у какой-то котельной прямо перед Новым Годом трубу прорвало, с кипятком.

Ничего необычного, в общем-то.

Ну, пока техники рюхались туда-сюда, там даже небольшое озерцо натечь успело — веселое такое, парящее.

А какая-то тетка, проходя мимо, поскользнулась, да и села в это озерко, прямо на задницу.

Ошпарилась, конечно, в больницу увезли.

Звоню Игорю: «Может быть интересно?» — спрашиваю.

— Угу, — отвечает, — попробуй изложить, с подробностями. Техников там порасспрашивай, врачей, к самой тетке в больничку сгоняй.

И — давай сюда.

Ну я и развернулся.

Накатал страниц семь машинописного текста, свидетелей нарыл, с начальником котельной интервью сделал, в котором он рассказал об изношенности оборудования и о том, что подобное может хоть завтра в любом районе Москвы повториться и с куда более печальными последствиями.

Кучу фотографий на цифровик сделал.

Вот только с теткой прокол вышел, отказалась она со мной разговаривать.

У нее, оказывается, муж в командировке был, а она к мужику знакомому шла, Новый год с ним справлять в романтической обстановке.

Ну и все такое.

Муж и раньше, говорят, об этом мужике догадывался, а теперь бабе и вовсе выписываться из больнички некуда.

Выгнал нах.

Так что ей в тот момент не до интервью было, совсем...

Что уж тут поделаешь.

...Оформил я, короче, все подобающим образом, отнес в редакцию.

Игорь — восхитился.

— А что? — говорит. — Вполне проходимо. Жди...

Жду.

После Нового года материал выходит.

За моей подписью.

Угу.

Лучше бы и не ждал...

Два абзаца.

Один про то, как херово вместо веселья в самый любимый народом праздник оказаться на больничке по вине идиотских служб правительства Москвы. А второй — о том, что не хер ходить по мужикам, когда муж в командировке, тогда и жопу не обваришь, на московском снежку случайно поскользнувшись.

И название жирным шрифтом: «Женщина в Тушино в Новогоднюю ночь вместо ложа любви попала на больничную койку».

И — сделанная мной фотография дымящегося и парящего озерца на фоне индустриального пейзажа.

А-фи-геть!

Морду ему, что ли, набить, этому Игорю? Или не стоит? Да фиг с ним...

А потом ко мне ребята в универе подошли, во время сессии.

— Привет, Дэн, — говорят. — Это твоя заметка про телку обварившуюся?

— Ну, — отвечаю.

— А как в газету пролезть удалось? — спрашивают.

— Да просто, — жму плечами. — Фигли мне туда пролезать, если я в ней работаю.

И показываю им ксиву.

«Специальный корреспондент отдела информации».

Ага.

Стуком выпавших челюстей — понаслаждался, врать не буду...

Хорошо, думаю, что я с самого начала с Игорем того...

Не погорячился...

...Сам я, кстати, тоже Новый год встретил... так себе, мягко говоря...

К Гарри на дачу, где собиралась «старшая» основа, ехать постеснялся, хоть, вроде, и зазывали.

А на фиг?

Взрослые мужики, многие с женами, фигли я там буду круги нарезать, как неполноценный, думаю.

Пошел к Никитосу.

Договорились объединиться и зажечь.

У него предки куда-то на юга свалили, вот он бардак на квартире и учинил. С песнями и дикими половецкими плясками.

Половина рейсеровской тусы, молодое мясное хулиганье, какие-то телки, водка, пиво, экстази, травка, танцы под рейв, порнуха по видео, групповой трах в ванной комнате...

Часа в два ночи мне стало скучно, и я свалил, чтобы не напргать ни себя, ни кампанию. Пришел домой, выпил с родителями шампанского, посмотрел телевизор, пошарил в Интернете и заснул.

А проснулся уже — в новом году.

В том самом, в котором мне и предстоял «золотой выезд»...

Глава 4

Лида

Я его, кстати, решил начать еще в межсезонье. У команды были сборы в Турции, потом там же — товарищеский турнир «Анталия Кап».

Часть наших парней решила пробить это мероприятие, ну и потусовать там заодно на солнышке.

Я и намылился с ними.

Но — не вышло.

Потому что как раз в это время в Москву приехала Лида. Навестить родителей во время каникул, как она сказала. Правда, в аэропорту ее почему-то родители не встречали. Встречал я.

Подозреваю, что так все и было задумано...

Потому что когда мы приехали к ней, и я помог донести вещи на седьмой этаж, там уже был накрыт стол, открыто шампанское и нервно курил у окна папа. А мама суетилась у духовки, допекая последнюю порцию любимых Лидой домашних пирожков с картошкой и капустой.

И это при том, что квартира была — Лидина, подаренная ей отцом на совершеннолетие. А сами родители жили отдельно, за городом, — то ли в Барвихе, то ли где еще, я так и не разобрался.

Моему появлению они, кстати, нисколько не удивились.

Полагаю, были предупреждены.

Нда-с...

Ну да ладно...

Папа пожал мне руку, назвался Андреем Евгеньевичем, предложил сигарету и пристально посмотрел в глаза.

Ну вот, думаю, и познакомились.

...За обедом Лида в ответ на расспросы все больше улыбалась и молчала, разве что кивая изредка. И внимание ее предков, что естественно, постепенно переключилось на мою скромную персону.

Разговор большей частью крутился вокруг учебы, родителей и увлечений. И если по первым двум пунктам программы я сделал ее родакам предельно четкий и обстоятельный доклад, ибо, как понимаю, — соответствовал, то по третьему, разумеется, скромно и стыдливо промолчал.

Ну его в баню, этот самый третий пункт.

А то еще выгонят на фиг и к Лиде охрану приставят, чтобы таких отморожков, как я, от нее гоняла.

Девушка все понимала и от этого улыбалась все ехиднее и ехиднее.

Ну погоди.

Отольются кошке мышканы слезки...

Потом Андрей Евгеньевич вяло поинтересовался насчет моих планов по трудоустройству.

Я в ответ постарался как можно равнодушнее пожать плечами.

— А я уже работаю, — поджимаю губы и чешу, подражая манерам Али, переносицу средним пальцем левой руки. — Просто так учиться — скучновато получается...

И говорю название газеты.

— Ого! — поднимает он брови. — На третьем курсе? Молодец! И какие темы вас, молодой человек, больше интересуют: политика, экономика, культура?

— Да пока, — теряюсь, — все больше об ошпарившихся кипятком тетках писать приходится...

Он усмехается, жует нижнюю губу, поднимает глаза в потолок, закуривает.

— В каком-нибудь другом случае, — говорит, — я бы, наверное, сказал, что кому-то и этим нужно заниматься. Но — не в этом. Хотя бы потому, что этот случай касается и меня с моей дочерью. Впрочем, вы, Данила, производите впечатле-

ние человека крайне целеустремленного, поэтому я почему-то уверен, что на ошпаренных женщинах вы не остановитесь...

И они как-то чересчур по-быстренькому засобирались сваливать.

— Ну, — спрашиваю, закрывая за ними дверь, — и на фиг тебе весь этот концерт по заявкам?

Жмет хрупкими плечиками, улыбается.

— Я тебе говорила, — прищуривает правый, таинственно мерцающий изумрудным светом глаз, — что я домашняя девочка и «зубрилка»? Говорила? Ну тогда принимай меня такой, как я есть. Или — не звони мне больше, хорошо?

— Как же, — теряюсь, — я могу тебе больше не позвонить-то?

— Ну вот видишь, — улыбается и легонько касается губами краешка моего рта. — А теперь — ты тоже иди, Данька. Я устала смертельно после перелета, не хочу, чтобы ты видел, как я расклеиваюсь. Только позвони мне завтра обязательно. Встретимся, погуляем, сходим куда-нибудь, хорошо?

— Хорошо, — вздыхаю и, как-то уж очень неуклюже облапив ее точеную фигурку, целую в висок, где под светлыми волосами бьется-пульсирует маленькая голубая жилка. — Позвоню, обязательно...

...На следующий день мы встретились, погуляли по пушистой, заснеженной Москве, попили кофе в маленьких кафешках у Патриарших прудов, потрепались с моими знакомыми парнями, заскочили к ее подруге. А ночью поехали смотреть «дрифт», это такая гонка по снежным дорогам, в Мытищи.

Рев форсированных движков, громкая музыка, яркий свет фар. Я подумал, что ей это должно понравиться.

Там-то мы и встретили Ингу, она тоже погоняться приехала. Вылезает из своей навороченной «бэхи» — черноволосая, светлоглазая, длинноногая, в короткой летящей дубленочке.

У меня при виде ее как всегда дыхание перехватило.

Но уже не так сильно, как прошлым летом.

— Привет, — говорит, — Данька. Давненько не виделись. А это кто? Твоя новая девушка?

— Угу, — мнусь, — Лида.

— Приятно, — смеется, — познакомиться. Ну ладно, я помчала. Поки-поки. Позвони мне как-нибудь.

Я закурил.

— Это кто? — спрашивает Лида.

Жму плечами.

— Инга, — говорю.

Лида вздыхает:

— Красивая...

И что-то мне в ее голосе — ну совсем не нравится.

Смотрю на нее, улыбаюсь.

— Да, — говорю, — Инга — очень красивая. Только это совсем не то, что ты подумала. Она жена Али. Ну Глеба. Помнишь, в Лондоне?

— Это такой сухой сильный мужик? — спрашивает. — Интересный такой, ехидный? Ну взрослый уже, шутил все время?

— Ага, — улыбаюсь.

— Ну тогда понятно, — успокаивается.

Ничего-то тебе не понятно, думаю.

...Через два дня, бродя по Москве, мы уже увлеченно целовались.

На морозе.

А — по фигу...

А потом она опять уехала в Лондон.

Ей там еще три года учиться, вот ведь, блин, незадача.

Правда, звала приезжать в любое время.

А что?

Виза-то английская у меня в паспорте есть, она у них полугодовая ставится.

Если удастся решить вопрос по деньгам, влегкую можно как-нибудь туда к ней смотаться на выходные.

К тому же и Лондон мне, честно говоря, очень понравился...

...Ну а пока что оставалось — учиться, подтягивать хвосты, пописывать что-то время от времени для Игоря в газету (он даже иногда мне специальные задания давать начал) и ждать начала сезона...